

PREMIO AZORÍN
DE NOVELA

18+

МАРИЯ САРАГОСА

Невидимая библиотека

РОМАН

ph

Мария Сарагоса

Невидимая библиотека

«Фантом Пресс»

2022

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)

Сарагоса М.

Невидимая библиотека / М. Сарагоса — «Фантом Пресс», 2022

ISBN 978-5-907943-10-0

В бурном Мадриде 1930-х годов провинциалка Тина мечтает стать библиотекарем. Вместе со своей подружкой Вевой она попадает в мир кабаре, феминистских клубов и спиритических сеансов, но гораздо больше, чем развеселая жизнь столицы, девушку интересует Невидимая библиотека – тайное общество, когда-то спасавшее книги, которым угрожала цензура. Тина не сомневается, что именно в этом ее призвание – спасти книги. Работая библиотекарем в осажденном франкистами Мадриде, Тина понимает, что в спасении нуждаются не только запрещенные, но и все книги, ведь война ведется и на книжном фронте – переписывается история, факты подменяются выдумками, а идеология вытесняет человечность. Но даже в эпицентре опустошительной войны жизнь продолжается, Тина находит свою любовь, однако ничто не мешает ей по-прежнему защищать книги, и не только от пожаров и бомб, но и от невежества и варварства. Большой роман о любви к книгам, о том, как сохранять человеческое достоинство даже в атмосфере страха и тотальных преследований.

УДК 821.134.2

ББК 84(4Исп)

ISBN 978-5-907943-10-0

© Сарагоса М., 2022
© Фантом Пресс, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	48
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Мария Сарагоса

Невидимая библиотека

La biblioteca de fuego

Maria Zaragoza

© Maria Zaragoza, 2022

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Editorial Planeta

© Анна Уржумцева, перевод, 2025

© Андрей Бондаренко, оформление, 2026

© «Фантом Пресс», издание, 2026

* * *

Тем, кто спасал сокровища испанского искусства и библиотек во время гражданской войны. Тем, кого предпочитали не замечать. Тем, кто хоть раз чувствовал себя невидимым. Элене – лучшему дару, что поднесла мне эта книга. Фернандо Мариасу, нашему лунному лучу во тьме

Простота экономки заставила лиценциата рассмеяться, и он попросил цирюльника передавать ему книги одну за другой, чтобы выяснить, о чем в них говорится: ведь могло случиться, что некоторые из них и не заслуживали казни огнем.

Мигель де Сервантес, «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский»¹

Я знаю, сколь часто молчание – это душиераздирающий вопль.
Антонио Гала, «Письмо потомкам»

¹ Цитата в переводе под ред. Б. А. Кржевского и А. А. Смирнова.

Пролог Казнь огнем

30 апреля 1939 года

Почти три года спустя красное платье висело на том же месте. Спрятанное от пыли в глубине шкафа и оберегаемое от моли лимонными корочками, которыми тетя пыталась заменить дефицитный нафталин. Ткань действительно была отменного качества, продавец в универмаге “Симеон” не лукавил. Я купила его в начале июля 1936 года с первой зарплаты в мадридской Национальной библиотеке и хотела надеть на гуляния в честь Девы Паломы². Но в то лето в нашу жизнь вторглась война³, и в наивном порыве я пообещала себе надеть его в день, когда война закончится. И вот сейчас я исполнила свое обещание.

Сначала мне не хотелось наряжаться – из-за войны мы все сделались угрюмыми и недоверчивыми. Еще мне казалось странным идти куда-то, в то время как все, что мне дорого, находится дома. Праздники казались мне неуместными, словно я выздоравливала после долгой болезни и никак не могла свыкнуться со своим новым телом – меня больше не сотрясала лихорадка, а ноги уже могли доставить меня из пансиона тети Паки⁴ в старое здание университета на улице Сан-Бернардо, где впервые с 1936 года отмечали День книги.

Незадолго до того в коридорах Национальной библиотеки я столкнулась с Хосе Альваресом Луной, заведовавшим с начала войны университетской библиотекой. Он шепнул – в то время мы говорили шепотом, – что в воскресенье в Центральном университете празднуют День книги и хорошо бы мне там показаться. Ни я не спросила, кому именно я должна показаться, ни он не стал вдаваться в подробности – такая тогда была жизнь. Я просто кивнула, а Альварес Луна добавил: “В двенадцать пополудни, и постарайся одеться прилично, ты знаешь, что они придают большое значение внешнему виду”. Я снова с благодарностью кивнула.

И все же стоило мне надеть праздничное платье, пахнущее лимоном, и убедиться, что белые туфли всего-то слегка запылились, как меня охватило ощущение счастья. Меня даже не заботило, что после голодных лет одежда висит на мне мешком. Я ошиблась: возвращалась я не после болезни, а после смерти. Война закончилась, мы выжили. Возможно, нам было еще на что надеяться.

Дойдя до проспекта Гран-Виа, я по привычке перешла на нечетную сторону. В предыдущие три года мы уверовали, что при обстреле она безопаснее четной. Не случайно гражданские прозвали проспект Гаубичным, а военные – Сто пятьдесят пятым, кажется, это калибр прилетавших снарядов. Но сейчас все словно решили поскорее забыть недавние сражения: уже разобрали доты и баррикады, убрали мешки с песком, которые должны были защищать город в случае атаки со стороны парка Каса-де-Кампо. Говорят, что впервые в истории большой город подвергся массивной бомбардировке с воздуха. Мне же казалось, что это не самолеты, а драконы сметали целые улицы. Отель “Флорида” на площади Кальяо выстоял, но все прочие здания вокруг походило на театральные декорации, которые вот-вот развеют иллюзию, в которой мы жили с 1936 года: голые стены, окна, разъявленные, как огромные рты, за которыми угадывались похожие на выбитые зубы обломки рам, стекол и вещей, принадлежавших кому-то, прежде чем налетели драконы и смерть. От многих домов только это и осталось – фасады, а за ними хаос, руины, опустошение.

² Почитаемый в Мадриде образ Девы Марии. – *Здесь и далее примеч. перев.*

³ 17 июля 1936 г. в Исламском Марокко (а 18 июля – и собственно в Испании) начался приведший к гражданской войне мятеж военных, важную роль в котором сыграл будущий диктатор Испании Франсиско Франко.

⁴ Пака – уменьшительная форма женского имени Франсиска.

И все-таки устоявший отель, несмотря на выщербленный фасад, подобно моим белым туфлям и красному платью, внушал надежду на воскресение. Глядя на него, я вспомнила, какие чудесные книжные ярмарки устраивались на бульваре Реколетос, пока все не рухнуло, и подумала, что праздник на улице Сан-Бернардо наверняка будет их бледной тенью – фасадом, призванным показать, что придет на смену руинам.

Когда я подходила к старому зданию филологического факультета, будившему столько воспоминаний, сердце захолонуло от радости, глупой, как любой внезапный приступ счастья. Жизнь начнется заново. Наконец наступит мир. Усталость последнего года испарилась, возрождение книжных ярмарок обещало свободу. Разве не ее олицетворяют книги? Быть может, победители и впрямь проявят великодушие.

Мне бы заподозрить неладное, когда в университетском дворе, где с конца XIX века располагался Ботанический сад, а в последние годы сажали картошку, все взоры устремились на меня. Мое красное платье горело, как маяк в ночи, потому что почти все остальные собравшиеся были в темном: мужчины – в синих нанковых рубашках фалангистов⁵, большинство женщин с головы до ног в черном, при гребне и мантилье, словно только что из церкви. По сторонам от специально возведенной трибуны стояли два огромных флага: новый государственный, красно-золотой с черным орлом Святого Иоанна, и фалангистский, а между ними сидели представители власти – трое мужчин, которым даже их шитые золотом кители не могли придать величественный вид.

Между трибуной и остальными присутствующими громоздилась башня из книг, что меня заинтриговало. Быть может, они хотели, чтобы мы раздавали их на улицах, как девушки из “Социальной помощи” раздают хлеб? Если речь шла об этом, то выбор книг показался мне не самым удачным. Направляясь к центру двора, где толпились другие библиотекари, я успела прочитать некоторые названия: несколько томов энциклопедии “Эспаса”, все четыре тома “Войны и мира” и даже кулинарная книга о приготовлении мяса. У кого в те дни было мясо?..

Я успокоилась, увидев на трибуне знакомое лицо. Несмотря на фалангистскую форму и знаки различия, я узнала молодого профессора права, с которым Федерико Гарсиа Лорка познакомил нас на премьере “Кровавой свадьбы”⁶, – Антонио Луну. Но не стихи убитого поэта⁷ слетели с его уст, а знаменитый фрагмент шестой главы “Дон Кихота” с рассуждениями о судьбе рыцарских романов, которые свели с ума злосчастного идалго. Я оглянулась на остальных, и мне показалось, что я одна ничего не понимаю. Наконец приятель Лорки завершил свою речь подобием судебного вердикта:

– На пути создания единой, великой и свободной Испании мы должны приговорить к сожжению книги сепаратистов, либералов, марксистов, распространителей “черной легенды”⁸, врагов католической веры, болезненных романтиков, пессимистов, порнографов, экстравагантных модернистов, пошляков, трусов, лжеученых, а также скверные романы и бульварные газеты. В нашем списке Сабино Арана⁹, Жан-Жак Руссо, Карл Маркс, Вольтер, Ламартин, Максим Горький, Ремарк, Фрейд и “Мадридский геральд”.

День книги в 1939 году был отмечен сожжением томов в Центральном университете Мадрида, назвали это событие “аутодафе”, словно мы возвращались в те времена, когда иудеев,

⁵ Испанская фаланга – фашистская партия, созданная осенью 1933 г. Хосе Антонио Примо де Риверой и поддерживавшая мятежников в 1936 г. В апреле 1937 г. Франко объявил об объединении фаланги с другими силами в партию “Испанская фаланга традиционалистов и хунт национал-синдикалистского наступления”, которую сам и возглавил.

⁶ Трагедия 1932 г. испанского поэта и драматурга Федерико Гарсиа Лорки (1898–1936). Премьера состоялась 8 марта 1933 г. в Мадриде.

⁷ Ф. Гарсиа Лорка был расстрелян в окрестностях Гранады в августе 1936 г., вероятно, местным отделением фаланги или гражданской гвардии.

⁸ “Черная легенда” – комплекс негативных представлений об испанцах, сложившийся в среде стран – политических противников Испании (Италии, Нидерландах, Англии) ко второй половине XVI в.

⁹ Сабино Арана Гойри (1865–1903) – баскский политик, основатель и идеолог баскского национализма.

еретиков и обвиненных в колдовстве приговаривали к сожжению на костре. Молодой фалангист облил башню из книг горячей жидкостью, а девушка в форме Женского подразделения Испанской фаланги – красный берет, синяя рубаха и темная юбка ниже колена – подала председателю горящий факел, и тот запалил погребальный костер. Руки взлетели в направлении огня в фашистском приветствии, и кто-то запел гимн фалангистов “Лицом к солнцу”, подхваченный большинством присутствующих.

Там же стояли и мы – еще недавно рисковавшие жизнью ради спасения того, что теперь так празднично пылало. Я огляделась в надежде перехватить чей-нибудь взгляд, но напрасно. Наверное, происходящее вызывало у моих соратников в равной мере стыд и ярость. Я встретила лишь взгляд больших черных глаз, которыми так восхищалась прежде и которые трудно было узнать под сулящим неприкосновенность красным беретом Женского подразделения, – раньше она ни за что бы его не надела. Запалив костер, она вернулась в строй.

Она не отвела взгляд. Может, заметила, что я плачу, хотя пошел дождь и его капли мешались на моем лице со слезами. Одна я плакала, слушая, как шуршат страницы, поглощаемые пламенем. Одна я не совладала с отчаянием и ужасом. Я не могла вынести ее предательства и не сдержалась. Странно, что я испугалась после всего, что видела, но я подумала, что человек, сжигающий любимые книги, не остановится и перед сожжением любимых людей.

Тот костер навсегда изменил мою жизнь, и девушка, наивно защищавшая право людей на трусость, погибла вместе со страницами, обратившимися в пепел. Я приняла решение и потому пишу сейчас эти строки: иногда маленькие люди вершат великие дела, о которых потом молчат.

Любителям коротких историй достаточно будет узнать, что я, Тина Вальехо, всех обманула. Всех, кроме той, что, не сводя с меня взгляда, бросила в огонь сигаретный мундштук с золотой гравировкой – двойной буквой “В”. Любителям длинных историй придется прочитать эту книгу, чтобы воскресить мертвых и увидеть невидимых.

Глава 1

Величайший секрет, какой я могу тебе доверить

Май 1930 года

Я всегда хотела работать в библиотеке. Помню, дома в детстве я раскладывала наши потрепанные книги по цветам и размерам – единственное интеллектуальное занятие, на которое мама не смотрела косо, принимая его за усердность домовитой хозяйюшки, каковой мне, по ее мнению, надлежало стать в будущем.

Когда спустя годы я захотела сдать вступительные экзамены на филолого-философский факультет в Мадриде, то была уверена, что мама не разрешит. Маму звали Мария Консоласьон Эсперанса Рамирес де Вильегас, но все обращались к ней исключительно “донья Консоласьон”. Даже папа иногда называл ее так – не без ехидства. Трудно было допустить фамильярность в отношении женщины столь строгих правил, продолжавшей носить корсет, даже когда корсеты вышли из моды. Быть может, из чувства противоречия я, сколько себя помню, всегда представлялась Тинной, что крайне раздражало маму, и, верная своему принципу полного имени, она неизменно обращалась ко мне “Агустина Каталина”, растягивая “и”, чтобы продемонстрировать неудовольствие, власть и легкое презрение.

За этим пугающим обращением неизменно следовала присказка: “Вся в свою тетку Марию де лос Долорес”. Несомненно, имелась в виду свойственная нам с тетей Лолитой хаотичность, наша с ней неспособность ходить на каблуках, а также наша общая любовь к книгам, выводившая маму из себя. В первые годы жизни я терялась, пытаюсь определить роль тети Лолиты, единственной маминой сестры, в нашей семье. Но однажды она исчезла – решила получить образование и уехала, хотя истинная причина заключалась, вероятно, в желании сбегать подальше от доньи Консоласьон, которая всегда была суровее, стройнее и требовательнее сестры. Когда мои родители получили наконец весточку от Лолы, та была уже замужем за учителем из Андалусии, о котором я не слышала ни одного доброго слова. Мама неустанно твердила, что тетя Лолита с детства избалована, поскольку родилась, когда бабушка с дедушкой уже не надеялись зачать еще одного ребенка, но правда состояла в том, что тетя сама стриглась, любила поехать в кино, выкурить тайком сигаретку. Словом, она любила то, чего не любила ее сестра, а именно – жизнь.

Сейчас мне думается, что я плохо знала отца. Он был человек властный и веселый, но это мог сказать любой, кто видел его хотя бы пару раз. Сколько себя помню, он восхищался Бенито Муссолини и поддерживал диктатуру Примо де Риверы¹⁰ даже в самые трудные времена; после падения монархии он присутствовал на учредительном собрании Испанской фаланги в мадридском Театре комедии и шеголял в деревне в синей рубашке задолго до того, как другие стали искать укрытия под сенью этой организации во время войны. Тем не менее он постоянно ласково подшучивал над тетей Лолитой, называл ее “большевичкой”, чем выводил маму из себя. У нас были деньги, несколько тысяч гектаров земли и автомобиль испано-швейцарской компании – первый, что я видела в жизни, и долгое время единственный, что колесил по дорогам нашей комарки¹¹. Мы жили в деревне в провинции Сьюдад-Реаль в огромном доме, где сновали горничные, конюхи, повара, гувернантки и другие слуги, которые я даже не знаю, чем занимались.

¹⁰ Мигель Примо де Ривера (1870–1930) – испанский военный и политик, организатор бескровного переворота 13 сентября 1923 г. (с молчаливого согласия короля Альфонса XIII) и глава правительства Испании; отец Хосе Антонио, основателя Испанской фаланги.

¹¹ Комарка – административно-территориальная единица Испании (на комарки делится провинция).

Я была уверена, что и отец воспротивится моей учебе в университете, но нет, и впервые в жизни мы оба удивили маму.

– Дорогой, университет не для женщин.

– Как и невежество. Особенно когда речь идет о моей родной крови. Если у масонов дочери учатся в университете, наша тоже может.

Я воспользовалась этим удивительным поворотом, чтобы заявить о своем желании поселиться в Женской резиденции. Мама завела речь о пансионе кармелиток, что прозвучало для меня как “монастырь” и, разумеется, не вызвало энтузиазма и у папы: к церкви он испытывал почти такую же неприязнь, как к масонам.

– Тина будет жить у моей сестры Франсиски, и точка. Это решено. (Так папа обычно завершал споры.) Самое главное – подготовить детей к будущему, донья Консолясон.

– Мальчиков – да, но девочек... – попыталась возразить мама.

– Времена меняются!

Мама наградила меня яростным взглядом, но промолчала. Когда же папа ушел диктовать телеграмму Франсиске, мама пробормотала, словно в комнате никого больше не было: “Вся свою тетку Марию де лос Долорес”, перекрестилась и вышла.

Стоило мне остаться в одиночестве, колени у меня подкосились и я рухнула в кресло. Хотелось кричать или броситься со всех ног через поле к Фелипе, моему лучшему другу, и объявить, что все получилось, что я еду учиться в Мадрид. Хотелось написать тете Лолите и все ей рассказать, но мысль, которую я не сразу смогла сформулировать, удержала меня. Постепенно она приняла форму вопроса: “Это та самая папина сестра, которую я с детства не видела?”

Папа никогда не говорил о своих братьях и сестрах, и тетю Франсиску я помнила весьма смутно – сгусток энергии в чем-то черном, который уже лет сто не появлялся в нашем доме.

Фелипе был сыном богатого землевладельца, друга нашей семьи. Почти все земли в округе принадлежали или его отцу, или моему, и они всегда приглашали друг друга на роскошные банкеты, не приносившие маме никакого удовольствия. У Фелипе было пять сестер, разряженных как куклы, и между семьями существовала договоренность, что в будущем мы с ним поженимся, чтобы объединить состояния, а заодно положить конец некоторым земельным тяжбам, хотя нам с Фелипе это казалось почти что шуткой. Фелипе был моим единственным другом. Оба мы в то время учились на дому и мало общались с другими детьми, помимо собственных братьев и сестер, и слишком хорошо сознавали, к какому социальному классу относимся. Мы оба были тихими, молчаливыми, немного мечтательными, оба любили книги. Мы часами сидели рядом, не произнося ни слова, читали стихи или смотрели на звезды. Фелипе обожал звезды и знал все названия. Его влекли естественные науки, однако по решению отца ему предстояло учиться в Саламанке на юридическом факультете.

Когда я прибежала рассказать, что мне разрешили поехать в Мадрид, Фелипе чистил Тисону – спасенную им хромую кобылу. “Если не даешь отвести ее на бойню, – сказал ему отец, – будешь сам за ней ухаживать”. Благодаря заботам Фелипе Тисона поздоровела и, хотя уже не скакала, как раньше, вполне могла тянуть повозку. Воскресными вечерами Фелипе заплетал ей гриву в косы и выезжал верхом, а я смеялась, потому что барышни глаз с него не сводили. Фелипе краснел и винил во всем кобылу – красотку светлой масти, даже и не скажешь, что она старая и хромая.

Фелипе бережно водил щеткой по крупу лошади. Филипе был красивый и высокий, а в обтягивающих бриджах и сапогах для верховой езды казался еще выше. Взгляд у него всегда был мечтательный, на четко очерченных скулах темнели две родинки, похожие на звездочки. Когда я сообщила, что уезжаю в Мадрид, улыбка у него сделалась грустной.

– Я хочу поселиться в Женской резиденции, – добавила я, – но папа настаивает, чтобы я жила в пансионе у его сестры, а я ее даже не помню.

Фелипе издал неопределенный звук, то ли одобрения, то ли несогласия. Казалось, ему неинтересно, о чем я говорю.

– Предполагается, что потом мы поженимся, – сказал он.

Его слова сбили меня с толку.

– Да ну! Это всё родители насочиняли.

– Поверь, они всё обдумали. У нас гораздо меньше свободы, чем тебе кажется.

Это замечание меня задело. Фелипе никогда еще так со мной не разговаривал.

– Думаешь, они про нашу свадьбу всерьез?

– Конечно. – Он взглянул мне в глаза.

– А ты что, против образованной жены?

Тон Фелипе так меня рассердил, что я ответила ему в том же духе. Мой вопрос прозвучал скорее как угроза. Фелипе как-то печально ссутулился и опустил глаза на лошадиный бок.

– Нет, но мы почти не будем видеться.

Об этом я не подумала. Во время учебы мы окажемся разлучены. Я почувствовала какую-то стесненность в груди, а радость, что привела меня к Фелипе, вдруг обратилась в грусть. И, позабыв про все приличия, я обняла его, прямо там, в стойле. Фелипе застыл точно каменное изваяние, неподвижное и прекрасное, и лишь спустя несколько мгновений обнял меня в ответ. Это было наше первое объятие.

– Я буду скучать, – прошептала я.

– Я тоже, Тинита, – ответил он хрипло. – Но я буду приезжать к тебе. Жениху это позволительно.

Я не стала спорить с тем, что мы жених и невеста. Может, так оно и было. В конце концов, непросто противиться родительской воле. Мы простояли так несколько минут, а потом Фелипе вдруг отстранился и отступил на пару шагов:

– У меня для тебя есть кое-что.

Он достал из кармана платок и, смущаясь, осторожно развернул. В платке сверкнуло кольцо с темным, кроваво-красным гранатом огранки “изумруд” в модернистской оправе.

– Какая красота!

Фелипе надел кольцо мне на палец, оно подошло идеально. Я была так счастлива, что даже не удивилась и не заподозрила, что все могло быть подстроено матерью – вероятно, она все уши ему прожужжала про мой отъезд в Мадрид, потребовала предпринять что-нибудь, дабы укрепить отношения, и помогла не ошибиться с размером. В то мгновение я думала только о Фелипе, уверявшем, что гранат принесет мне удачу. Подарок пробудил в памяти лучшие мгновения нашего детства.

В течение следующих месяцев, пока я готовилась к вступительному экзамену, мы вели себя так, словно предназначены друг другу. Теперь мы редко читали стихи и редко смотрели на звезды, паузы в наших разговорах стали длиннее, молчание глубже. Наконец наступило утро отъезда, обещавшее начало новой жизни.

Тетя Лолита настояла на том, чтобы поехать на экзамен вместе со мной. Она говорила, что у ее мужа дела в Мадриде и он может нас отвезти. Родителям нечего было ей возразить, потому что иначе им пришлось бы отправлять меня одну на поезде. Лолита объявила, что они заедут за мной накануне экзамена и мы переночуем у ее друзей. Отец буркнул, что наверняка они республиканцы, но особо не протестовал.

В назначенный день тетя Лолита ураганом влетела к нам. Я вышла с небольшой сумкой (две перемены белья, ночная сорочка и пара учебников), которую тетя вырвала у меня из рук. Ее муж ждал в автомобиле. Он никогда не заходил в дом – кажется, его у нас не жаловали. Я

не сомневалась, что они поссорились с отцом из-за политических разногласий и потому я его почти не видела. Моя память не сохранила его лицо и голос, и из того путешествия я помню лишь разговор с тетей Лолитой, перекрываемый шумом мотора, и взгляд, который она бросила на мое кольцо:

– Подарок Фелипе?

– На счастье. Говорят, гранат приносит удачу.

– Еще говорят, что он символизирует верность обязательствам.

В тетином голосе я уловила намек и покраснела.

– Не думаю, что Фелипе это знает.

– Кольцо в любом случае означает верность, тебе не кажется?

– Поэтому ты его носишь? – отозвалась я, указывая на жемчужное кольцо у тети на пальце.

После этих моих слов тетя отвела взгляд и надолго замолчала, так что мне сделалось неуютно. Заговорив снова, она сменила тему:

– Фелипе из тех мужчин, что отстаивают свое право быть трусами, он никогда не будет счастлив, всегда будет подстраиваться под тех и этих. Сейчас он угождает отцу, потом место отца займет начальник или жена, но я не думаю, что этой женой будешь ты. Ты в меня: всегда будешь следовать голосу сердца. Выходи только за того, с кем каждый день будет праздником. Фелипе хороший, но он не для тебя, слишком зажатый. Мы пришли в мир не для того, чтобы разбираться с чужими комплексами.

Тетя произнесла эту тираду на одном дыхании, и я подумала, что ее муж, наверное, принял все на свой счет. Однако когда я пытаюсь его припомнить, вижу только тень, пятно, еще одну деталь машины.

Средняя школа кардинала Сиснероса находилась на улице Сан-Бернардо в одном здании с мадридским Центральным университетом, частью которого была несколько лет. Когда тетя Лолита привела меня туда, я испугалась. У меня никогда не было одноклассников, все уроки проходили дома, я привыкла быть единственной ученицей. Как меня оценят по сравнению с другими? Дотягивают ли мои знания до нужного уровня или экзамен окажется для меня сложнее, чем для остальных? От мысли, что мечта об университете может вот-вот исполниться, у меня кружилась голова. Я боялась как успеха, так и провала и потому застыла на улице Рейес, не смея войти в величественные, почти церковные двери.

Тетя Лолита пообещала встретить меня после экзамена и добавила, что все получится – хоть с кольцом Фелипе, хоть без. Я с трепетом переступила порог, но напоминание о кольце немного отвлекло меня от величия грандиозного портала, мраморных лестниц и огромных арочных окон. Я могла окончательно потерять голову, уловив эхо своих торопливых шагов под высокими сводами коридоров, светильники на стенах которых походили на вздыбившихся стеклянных животных, ведь столько выдающихся людей, тоже некогда бывших растерянными юнцами вроде меня, ступали по этим плитам. Однако в ту минуту меня вдруг одолели размышления, означает ли это несчастное кольцо, что я должна выйти замуж за Фелипе, так что я позабыла обо всем остальном. Очнувшись, я рассеянно побрела куда глаза глядят, разглядывая массивную деревянную мебель и металлические стеллажи лабораторий, тяжелые двери и чудесный актовый зал, выдержанный в оттенках зеленого. К счастью, нужную аудиторию я отыскала вовремя.

Выйдя после экзамена, я понятия не имела, как сдала. Дома я получила полное школьное образование, но меня терзал страх, что остальные изучали в Мадриде то же самое глубже, о чем я и сообщила тете Лолите, поджидавшей меня на противоположной стороне улицы. Она отмахнулась от моих страхов, точно от докучливых мух, и повела меня гулять по Мадриду, цветущему и пугающему, шумному, светлому, жаркому, людному, совсем не похожему на мои

фантазии. Шагая под руку с тетей, я стремительно влюблялась в многоликость города, в его бескрайность, в его современность, в него целиком – от великолепных зданий до скромных тележек торговцев фруктами. Тетя Лолита говорила без умолку. От здания университета она повела меня посмотреть на книжные развалы, потом в парк с вековыми, искореженными временем деревьями. Может, тогда я и научилась выгуливать все свои сомнения и невзгоды, пока они не исчезнут. Мне и в голову не пришло зайти к тете Франсиске, у которой мне предстояло жить, если я сдам экзамен. А под вечер тетя Лолита, тоже опьяненная нашей прогулкой, поведала мне тайну, и ни она, ни я не знали тогда, что под знаком этой тайны пройдут самые светлые и одновременно самые темные годы моей жизни.

Тетя Лолита познакомилась с Фернандо Вильялоном¹² в Севилье, на литературном вечере в его доме на улице Сан-Бартоломе, похожем на заколдованный замок. Он разбирался в бессмертных дугах, домовых, египетских божествах, проклятых душах и потусторонних голосах, которые слышал так хорошо, что мог передавать их послания. Весной 1929 года на собрании в честь друзей, съехавшихся со всей Испании на Иберо-американскую выставку, Вильялон принялся читать стихи. Он был выдающимся поэтом, но его не принимали всерьез из-за его любви к сельской жизни и корриде. Или из-за слабости, которую он питал к магии, алхимии и призракам. И то и другое воспринималось в кругу литераторов, считавших себя космополитами, как чудачество, Вильялон казался им этаким тореро с замашками ясновидца, ловко сочиняющим сонеты. Многие смеялись над страстью Вильялона к скотоводству: он считал, что призван возродить породу зеленоглазых тартессийских¹³ быков, и уверял, что по ночам они являются ему в дымке снов и зовут по имени. Однако ему удалось лишь залезть в долги и вывести нескольких огромных быков с дьявольским норвом и огромными рогами, к этим зверюгам ни один тореро и близко подойти не решался.

У Вильялона был звучный, несколько пронзительный голос, но между вторым и третьим стихотворением он словно вдруг охрип, глаза его расширились, и зрители с замиранием сердца увидели, что медальон Исиды, который Вильялон использовал для прорицаний, выпал из его руки. Повисла тревожная тишина, затем поэт глотнул воды, с трудом наклонился и поднял медальон. Все почувствовали облегчение, но не тетя Лолита. Прежде чем продолжить чтение, хозяин дома взглянул на нее словно в поисках объяснения.

Гостей несколько раз обнесли шампанским, после чего они стали расходиться, под конец осталась лишь развеселая компания из шести мужчин и одной женщины. Когда Лолита собралась уходить, Вильялон удержал ее.

– Мне было видение, и оно касается тебя, – прошептал он.

Повысив голос, чтобы слышали остальные, поэт описал образы, нахлынувшие на него во время чтения: он видел огонь и смерть, а еще Лолиту, которая шла среди руин, прижимая к груди книги, и ее глаза сверкали яростью.

– Ты спасешь от огня невидимую библиотеку, – сказал Вильялон.

– В твоём видении мы были вместе? – спросила моя тетя.

– Нет, дорогая. К тому моменту я буду уже мертв.

Сделав это заявление, от которого все присутствующие разом умолкли, поэт слабо улыбнулся – неважно, дескать. А затем представил Лолиту компании, в которую входили, по его словам, “избранные из избранных”. Единственная женщина назвалась Сойлой Аскасибар и оказалась хозяйкой мадридской типографии.

– Она печатает изумительные книги по искусству, – добавил мужчина неопределенного возраста; тетя запомнила его туманные, с поволокой глаза, но не имя.

¹² Фернандо Вильялон Даис-и-Алькон (1881–1930) – испанский аристократ, поэт и заводчик быков для корриды.

¹³ Тартессии – одна из древнейших цивилизаций юга Пиренейского полуострова.

С ним был молодой ученик, покрашенный и надушенный, как женщина. Накрашен, хотя не так ярко, был и некто Альваро Ретана¹⁴, писатель, чьих книг тетя не читала.

– Тебе и не стоит их читать, дорогая, – отозвался Вильялон, – они в высшей степени порочны.

Остальные трое – высокий красавец со стеклянным глазом, еще один юноша с черными как смола волосами, одетый в белоснежный костюм, и племянник филолога Менендеса Пидалья¹⁵, Луис Менендес Пидаль, о котором тете Лолите сообщили, что он архитектор, спроектировавший Банк Испании.

Мужчина с туманными глазами заверил всех, что Вильялон – медиум, который может общаться с духами умерших писателей и на короткой ноге с призраками. Однажды они вызвали дух Антона Чехова.

– Но мы ни слова не поняли, потому что он говорил по-русски, – пожал плечами Вильялон.

Будто впад в транс и не обратив внимания на его замечание, мужчина с туманными глазами принялся излагать историю, полную загадок и тайн, похожую на лабиринт. Мол, с незапамятных времен существует тайное общество, защищающее произведения, которым угрожает цензура. Члены общества сберегали книги, рискуя жизнью, до лучших, более свободных времен. Сокрытые в тени, они спасали бесценное культурное достояние, а сами растворялись в истории. Невидимые. Словно их никогда и не было. Но спасенные ими тома расходились по миру, оседали в библиотеках и музеях – и ничто не указывало на то, сколько крови было пролито из-за них, на то, чего стоило сохранить эти книжные сокровища. Поговаривали, что не все спасенные книги успели извлечь из тайников и множество томов в неведомых хранилищах по-прежнему ждут, чтобы их нашли.

– Это наша семейная легенда. Мой дедушка, похоже, тоже имел к ней отношение, – продолжал рассказчик. – Перед смертью он говорил только о спасенных книгах и погибших товарищах. Они называли себя “Невидимая библиотека”, и каждый участник брал себе в качестве псевдонима название первой спасенной книги. Если предсказания Вильялона когда-нибудь сбудутся, возможно, нам придется перенять их опыт. В конце концов, история, к несчастью, имеет обыкновение повторяться.

– И как же нам тебя в таком случае называть, о спаситель книг? – насмешливо спросил юнец в белоснежном костюме.

– Мое имя Лунный Луч¹⁶, а твое – Глупец (все расхохотались), в честь моих любимых книг нашего дорогого и несравненного друга Ретаны.

– Ты его книги ни от чего не спас! – завопил Глупец.

– Но я не раз кормил и поил их автора, так что, считай, я спас его самого, – ответил Лунный Луч.

– Особенно поил. – Ретана поднял бокал.

Фернандо Вильялон, казалось, всерьез увлекся идеей Невидимой библиотеки. Человек со стеклянным глазом поинтересовался, не знает ли кто-нибудь, где могут находиться тайники, но никто его не слушал. Собравшиеся внимали Лунному Лучу, который торжественно объявил о возрождении Невидимой библиотеки, после чего вручил всем запечатанные сургучом конверты – послание, призывающее спасти от опасности какую-нибудь книгу, своего рода крещение.

¹⁴ Альваро Ретана Рамирес де Арельяно (1890–1970) – испанский писатель, известный своими эротическими романами. Называл себя “самым красивым писателем на свете”.

¹⁵ Рамон Менендес Пидаль (1869–1968) – выдающийся испанский филолог. Среди важнейших его трудов – всесторонний анализ и издание “Песни о моем Сиде”, первого дошедшего до нас памятника испанского эпоса (XII в.).

¹⁶ “Лунный луч” – название не только романа Ретаны, но и фантастической новеллы испанского писателя и поэта-романтика Густаво Адольфо Беккера (1836–1870).

– Некоторые думают, что это просто развлечение для богачей, забава для тех, у кого нет других забот, – завершила свой рассказ Лолита, – но я предчувствую, что Невидимая библиотека еще сыграет свою роль, и хочу, чтобы ты не осталась в стороне. Когда переедешь в Мадрид, первым делом найди дам из клуба “Лицеум” и присоединись к ним. Возможно, они устроят какое-нибудь вступительное испытание, им не чужды подобные игры, но поверь, все это очень серьезно, и это величайший секрет, какой я могу тебе доверить, – тетя прижала руку к сердцу, – и ты никому не должна о нем рассказывать. Пока секрет остается секретом, он в безопасности.

Затем тетя добавила, что человеку со стеклянным глазом верить нельзя. В письме, которое прислал ей Лунный Луч, ясно говорилось, что он отстранен от всех дел, связанных с Невидимой библиотекой, хотя и не объяснялось почему.

Несколько недель спустя я узнала, что успешно сдала экзамен и принята в университет. Дома этому никто особенно не обрадовался, поскольку все иного и не предполагали, похоже, одна я сомневалась в своих способностях. Я и не заметила, как подкралась осень и настал день отправляться в Мадрид. Время в пути тянулось бесконечно, поезд медленно полз к столице по Кастильскому плоскогорью – и это несмотря на то что состав был самый современный, принадлежащий железнодорожной компании “Мадрид – Сарагоса – Аликанте”. Поезд то и дело останавливался на станциях и полустанках. К счастью, я прихватила в дорогу роман “Четыре сестры”¹⁷, вышедший в 1922 году в издательстве “Ева”, подарок тети Лолиты на последний день рождения. История жизни девушек из обедневшей семьи во время Гражданской войны в США произвела на меня глубокое впечатление, и в дальнейшем я покупала все новые издания этой книги, выходявшей уже в новом переводе и под названием “Маленькие женщины”. Любопытно, как книги, впечатлившие тебя, связаны с твоей собственной судьбой: у сестер Марч имела эксцентричная одинокая тетушка, на которую оказалась похожа моя тетя Франсиска.

В книге я хранила последнее письмо тети Лолиты. Та исправно присылала мне аккуратные голубые конверты с нарисованной фиалкой. Короткая записка сразу успокоила мою тревогу, вызванную предстоящей учебой в университете и кольцом, полностью изменившим мои отношения с Фелипе. Тетя желала мне удачи и напоминала, что тайна, которую она мне доверила, предназначена только мне – главному человеку в ее жизни.

Я не понимала, чем заслужила такое отношение, но то, что Лолита считала меня достойной хранительницей своих секретов, вдохновляло, и я улыбалась, глядя в разогретое солнцем окно вагона, что вез меня в будущее. Долго еще я продолжала думать о событиях в доме того поэта-мистика, гадать, что это – выдумка, сказка, добрая шутка, литературная игра? Даже если человек со стеклянным глазом, мужчина с туманными глазами, порочный писатель, архитектор, владелица мадридской типографии, накрашенный юнец, поэт-скотовод и аристократ, разрешавший именовать себя на званых вечерах Глупцом, – даже если все они и существовали, то больше походили на литературных персонажей, выдуманных тетей, чтобы Мадрид казался мне полным загадок. От этого я и в самом деле чувствовала себя особенной, а путешествие становилось еще интереснее.

После скромных деревенских станций с неуютными, открытыми всем ветрам перронами столичный Южный вокзал показался мне похожим на собор, расписанный клубами пара и разводами сажи. Высоченные своды, ажурные чугунные балки и аркады придавали зданию вид воистину грандиозный, внутри поместился бы целый ботанический сад с пальмами¹⁸.

¹⁷ Под таким названием вышел в Испании роман американской писательницы Луизы Мэй Олкотт “Маленькие женщины”.

¹⁸ Сейчас на месте Южного вокзала в Мадриде находится вокзал Аточа, в старом здании которого действительно располагается ботанический сад, а также магазины и кафе.

В роскошном здании, среди бурлящей толпы я почувствовала себя маленькой. Так я и стояла, не зная, как быть с багажом и где искать носильщика, и раскаивалась, что не попросила тетю Франсиску меня встретить. Мимо, распространяя запахи типографской краски и камфоры, проходили солидные и элегантные мужчины в круглых очках, под ручки их чемоданов были подсунуты свернутые газеты; проплывали, сияя улыбками, барышни в платьях по самой последней моде, почти открывающих колени; неспешно шествовали дамы в прелестных фетровых шляпках, глаза их были либо скромно потуплены, либо жадно выискивали кого-то в толпе – и у всех у них был такой вид, словно точно знают, куда идут.

На вокзалах никто ни на кого обычно не смотрит, а он смотрел на меня. Он стоял на перроне спиной к свету, напоминая бумажный силуэт, я не могла различить его лица. И все-таки он определенно смотрел на меня. Наблюдал за мной сквозь клубы пара и шумную толпу. Я нервно поправила шляпку и постаралась не пялиться, но это было не так-то просто – он стоял на одном месте, и лицо его было обращено точно в мою сторону. Я чуть не вскрикнула, когда он шагнул из тени, но тут увидела у него в руках лист бумаги со своим именем и глупо рассмеялась. Ответной улыбки не последовало.

– Агустина Вальехо? – сухо осведомился он.

– Вас прислала тетя Франсиска?

– Да, я здесь по просьбе доньи Паки.

– Как вы меня узнали?

– По обилию багажа. И по платью.

Я вдруг устыдилась своего наряда: голубое платье длиной почти до щиколоток, очень простое, но идеально сочетавшееся с туфлями, перчатками и шляпкой. Оно неуместно? Старомодно? Что сейчас носят столичные девушки?

– Очень провинциальное? – спросила я робко.

– Нет, очень дорогое.

Я залилась краской, жалея, что не могу спрятать лицо под узкими полями шляпки. Тем временем тетин посланец занялся моим багажом. Молодой человек был высок, хотя и ниже Фелипе. Лицо чистое и смуглое, нос прямой и крупный. Большие карие глаза смотрели чуть меланхолично, как у лошади. Волосы, насколько я могла судить, темные и непослушные, но тщательно зачесанные назад. Он был аккуратен, по американской моде, выбрит, но тени у рта свидетельствовали об упорной и обильной растительности.

Я вспомнила басню Эзопа о волке в овечьей шкуре и подумала, что этот парень (вероятно, лишь на пару лет старше меня) являет собой противоположный случай: его мягкие черты и добрый взгляд наводили на мысль, что это овечка, рядящаяся в темную шерсть, которая первой бросается в глаза. У него были сильные, но красивые руки, длинные пальцы с округлыми ногтями, деликатная, но четкая линия челюсти, одежда безупречно аккуратная, однако поношенная. Противоречия проявлялись и в отношении ко мне, вежливом и презрительном одновременно: он обращался на “вы” и не отказывал в помощи, при этом демонстрируя надменность, которая оскорбляла меня не меньше, чем его – стоимость моего наряда. Я недоумевала, почему тетин слуга ведет себя так, но не отваживалась спросить.

– Можешь называть меня Тина, – робко сказала я по дороге к такси.

– Меня зовут Карлос, – отозвался он, не глядя на меня, – донья Пака попросила вас встретить, поскольку у нее сегодня собрание Платоновского общества, а мне тут недалеко.

– Недалеко?

– От медицинского факультета. Тут рядом, за больницей.

Он неопределенно мотнул головой, а я улыбнулась и кивнула, словно поняла, о чем речь. И почувствовала себя душой.

Так, значит, тетя каждую неделю ходит на лекции по философии (чем еще можно заниматься в Платоновском обществе?), а слуга оказался не слугой, а студентом-медиком, кото-

рый, вероятно, живет у нее в пансионе. И студентом, без сомнения, бедным, потому что его раздражают наряды дочери богатых родителей и потому что вся его аккуратная и наглаженная одежда штопалась и перелицовывалась тысячу раз. Я спрашивала себя, какие еще сюрпризы ждут меня в первый день в столице, а Карлос вместе с таксистом грузил мой багаж в машину.

– Можешь называть меня на “ты”. – Я попыталась перекричать шум мотора.

– Полагаю, это неуместно, – ответил он.

Я подумала, что он дурно воспитан, а с таким человеком я никогда не полажу. Портит мне мой первый день в Мадриде, эгоист. Я не понимала, насколько он прав, считая меня всего лишь избалованной девочкой из провинции.

Пансион “Кольменарес” находился на одноименной улице рядом с проспектом Конде-де-Пеньяльвер, который в ту пору уже начали называть просто Большим проспектом, Гран-Виа, и занимал второй этаж четырехэтажного здания. На первом этаже, куда вели массивные деревянные двери, консьерж встречал всех улыбкой, не отрываясь от “Мадридского геральда”. Это был мужчина в годах и в форменном кителе, не лишенный некоторого лоска – очевидно, он знал и лучшие времена, но не жалел о том, что они минули. Выложенный плиткой пол сиял на солнце, кованые перила и лестница, по которой взбирался Карлос с моими чемоданами, также сверкали.

Пансион был когда-то роскошной квартирой – светлой, с высокими потолками и хрустальными люстрами. Переступив порог, я оказалась в прихожей, где внимание привлекали лишь телефон-“подсвечник”, запертый в стеклянном шкафу, пожелтевшая карта Мадрида и изящная старинная свадебная фотография в серебряной рамке. Невеста была в черном платье, а жених, выглядевший много старше нее, в военной форме. А вдруг эта призрачная дама и есть загадочная тетя Франсиска, о которой я сохранила лишь туманные воспоминания?

Сразу по левую руку от прихожей располагалась кухня, просторная, смежная с обеденной залой, где вокруг стола стояли восемь стульев. В эту минуту со стола сметала крошки высокая мужеподобная женщина. Карлос представил ее как Ангустиас, единственную тетину помощницу по хозяйству.

– Помимо меня, – добавил он.

Направо от прихожей начинался длинный коридор с чередой деревянных дверей, над каждой дверью сиял цветной витраж. Две первые вели в комнаты Ангустиас и самого Карлоса. Дальше шла небольшая гостиная, использовавшаяся, по его словам, только для заседаний.

– Платоновского общества, – пояснил он.

Напротив располагалась ванная и несколько пустующих номеров. Мы повернули в коридор, за углом обнаружили еще комнаты. Карлос сообщил, что самые дальние принадлежат дону Марсьялю, дону Фермину, дону Габриэлю и дону Херманико – именно в таком порядке. Еще одна ванная, моя будущая комната, гостиная, столовая и чертоги тети Паки (куда, если верить Карлосу, никто не заходил) завершали перечень помещений пансиона “Кольменарес”.

Моя комната была просторная, но аскетично обставленная, и, несмотря на чистоту, чувствовалось, что в ней давно никто не жил. Там имелись только кровать, шкаф, письменный стол и зеркало над ним, зато был балкон и собственная небольшая ванная с туалетом. Карлос сложил мои вещи у изножья кровати и застыл, глядя на меня столь решительно, что я подумала, не ждет ли он чаевых. К счастью, я не попыталась проверить.

– Если хочешь, чтобы я познакомил тебя с остальными, пойдем в гостиную. Сейчас все, наверное, там, – произнес он наконец. – Хотя твоя тетя должна скоро прийти.

Карлос неожиданно обратился ко мне на “ты”, но ведь я сама это предложила.

– Я дождусь ее.

Он смотрел на меня взором неумолимого судьбы:

– Как хочешь.

Когда дверь за ним закрылась, я с облегчением рухнула на свою новую кровать, пахнущую тальком и нафталином, и чуть не уснула, даже не сняв шляпки. Но вскоре дверь распахнулась и высокая женщина постучала по ней костяшками пальцев, скорее привлекая мое внимание, чем испрашивая позволения войти.

– Ах, дорогая! Как же мне хотелось тебя увидеть! Как ты выросла! Ты прелестна, совсем взрослая барышня. Мне уже говорили, что ты будешь красавицей, но некоторые вещи лучше увидеть самой, чтобы увериться, особенно если вспомнить твою худосочную мать.

Прежде чем я что-либо сообразила, на меня налетел вихрь в черном платье и стиснул в объятиях с такой силой, что я едва успела увидеть и осмыслить тетины черты, угадать в них тень сходства с отцом. Пока я убедилась только, что она костиста, потому что при каждом ее движении в меня вонзались то локоть, то ключица, то челюсть. Я не привыкла к таким изъяснениям чувств. Папа держался отчужденно и лишь изредка мог поцеловать, мама большую часть времени старалась не замечать меня, а тетя Лолита, самая ласковая из всех, предпочитала объятиям разговоры, потому что папина сестра в первые же мгновения изменила все мои представления о родственниках. Через тетино плечо я видела Карлоса и Ангустиас, они стояли на пороге и явно развлекались, словно тайком наблюдали забавный спектакль.

После потока бессвязных слов и многочисленных объятий я наконец смогла рассмотреть тетю, поскольку она тоже желала разглядеть меня.

– Дай же на тебя взглянуть! – Она отстранила меня, держа за плечи узловатыми сильными руками. – Как хорошо, что ты пошла в нашу родню!

У тети Франсиски были такие же темные пышные волосы, как у отца, а седые пряди будто специально расположили симметрично. В ней угадывалось крепкое сложение, совсем как у меня (обещавшее справиться с любыми напастьми), но при этом в тетушкином теле, до самых пят заключенном в черное, не было ни единого плавного изгиба, и там, где у меня находились округлости, у нее торчали острые выступы, словно стремясь прорвать платье. На шее я заметила красивое распятие в стиле модерн, круглые очки служили подмогой глазам, таким же большим, как у меня, и такого же разреза, но только глубокого зеленого цвета, как у тартессийских быков. Квадратные зубы слегка выступали вперед, губы с трудом прикрывали их, отчего лицо, само по себе суровое, словно бы постоянно улыбалось – что-то вроде улыбающегося черепа.

Тетин возраст не поддавался определению, лишь немногочисленные морщины и несколько пятнышек на руках говорили о прожитых годах. Она мало отличалась от своей свадебной фотографии в прихожей. Я с удивлением узнала, что она на несколько лет старше отца, и с еще большим удивлением – что отец младший из семи детей, а мою тетю, единственную среди них девочку, выдали замуж за овдовевшего военного, человека в годах, но достаточно обеспеченного, чтобы тетя ни в чем не нуждалась после его смерти.

Насколько я могла понять из сумбурного рассказа, ее сын, с которым я так и не познакомилась, растратил значительную часть семейного состояния, а тете не удалось получить вспомоществование по вдовству и пришлось продать квартиру в Барселоне, мадридскую же переделать под пансион. Она повествовала об этих непростых обстоятельствах с таким трогательным жизнелюбием, что они выглядели скорее удачами, чем невзгодами. О моем двоюродном брате и тогда, и в дальнейшем тетя говорила мало и всегда с непонятной мне смесью материнской любви и стыда.

– Тебе нужно познакомиться с остальными, – сказала она, закончив рассказ. – И сними наконец шляпку, ты же не в церкви.

Я механически повиновалась и положила шляпку на кровать:

– Да, тетя Франсиска.

– Деточка, ради бога, зови меня Пака, как зовут все, кроме твоего отца.

– Хорошо, тетя Пака.

– Так-то лучше. Сейчас у нас только пожилые постояльцы, так что придется привыкнуть к старикам, они пробудут здесь сколько бог даст, – тетя перекрестилась, – то есть, я надеюсь, долго.

Энергично вскочив, она направилась к двери и на ходу попеняла Карлосу и Ангустиас за то, что те нахально подслушивали:

– Захотите посплетничать – соблюдайте приличия. – И тут же, причем тем же тоном, мне: – Так и будешь сидеть весь день? Нас, должно быть, заждались.

– Иду, тетя Пака.

Уже вскочив, я осознала, что невольно улыбаюсь – совсем как тетушка. Итак, первое, что я узнала о тете Паке, – ее пример заразителен.

Старинных постояльцев пансиона “Кольменарес” можно было с легкостью классифицировать по усам, которые явно составляли гордость четверых пожилых кабальеро, сидевших в гостинной и поспешно вставших, едва вошла тетя Пака.

У одного из них усы были по испанской моде – разделенные посередине, как театральный занавес. Вынимая изо рта причудливую пенковую трубку, он произнес свое имя, словно прожевал: “Дон Марсьяль”. Его усы с порыжевшими кончиками чуть-чуть не доставали до пышных бакенбард и подчеркивали сияющую морщинистую лысину, покрытую пятнами и пятнышками всевозможных форм и размеров.

– Не привыкайте к моему обществу, сеньорита, поскольку я не замедлю вернуться к себе домой, – добавил он, когда тетя, сжалившись над неудобной позой дона Марсьяля, не успевшего толком выпрямиться, предложила ему сесть.

– Не обращай внимания, он думает, что вернется на Филиппины, – объяснила она мне позже. – В девяносто восьмом году¹⁹ дон Марсьяль потерял все, включая жену, поместье и рассудок. Что касается рассудка, это было не очевидно до недавнего времени, но в старости все проблемы обостряются. Он твердит, что вот-вот вернется на Филиппины, и вспоминает некую женщину. Любовницу, я думаю. Про жену, умершую от расстройства, когда мы потеряли колонии, и думать забыл, старый кобель.

У дона Фермина усы были современные, тонкие, словно нарисованные карандашом, как у звезды большого экрана. Вроде тех, что почти десять лет спустя вошли в моду с подачи Кларка Гейбла в роли Ретта Батлера. Не думаю, что в то время хоть одна душа знала, кто такой Кларк Гейбл, а дон Фермин уже щеголял своими усиками. Дешевый костюм, дополненный шейным платком и гвоздикой в петлице, сидел на нем безупречно. Цветок исчез с лацкана только с началом войны, в знак траура. Пацифист, вегетарианец и знаток эсперанто, дон Фермин когда-то преподавал в университете, а теперь, по собственному определению, стал “профессиональным бульвардье и независимым мыслителем”. Он единственный из четверых не был вдовцом, поскольку так и не женился, не считая себя вправе, как он говорил, заставлять женщину терпеть его до конца жизни. Тетя Пака возражала, что она-то его терпит, и сетовала, что полоумные старики, видимо, не замечают, что она женщина. Дон Фермин был моложе остальных и невинно флиртовал со всеми, кто попадался ему на глаза, включая мою тетю. Мне он поцеловал руку, когда нас представили, а Ангустиас назвал птичкой – трудно подобрать эпитет, менее подходящий к ее внешности.

У сервировочного столика, без очевидной надобности заставленного бокалами, приборами и солонками, поднялись с мест дон Габриэль и дон Херманико. У дна Габриэля было мышинное лицо, бесстрашный взгляд и впечатляющие французские усы, подкрученные и ост-

¹⁹ В 1898 г., проиграв войну США, Испания отказалась от Кубы и передала противнику Филиппинские острова, Пуэрто-Рико и Гуам, лишившись своих последних заокеанских владений. Война против США вошла в историю Испании как “Катастрофа 98 года”.

роконечные, которые заботили его куда больше, чем катаракта, туманившая его взгляд. Вскоре я обнаружила, что он притворяется, будто у него прекрасное зрение. Когда-то дон Габриэль был военным, как супруг тети Паки и дон Херманико, и до неприличия обожал обсуждать сражения Большой войны²⁰, про которую, по его уверениям, знал все – от плана Жоффра до пяти наступлений Людендорфа²¹.

Его оппонентом в диалектических столкновениях, где применялись все мыслимые виды словесного вооружения, был дон Херманико, первостатейный германofil во всем, начиная с имени. Дон Херманико был обладателем огромных усов, которые нависали над губами и приходили в движение, когда он говорил, словно танцевали сами по себе. У дон Херманико была широкая квадратная грудь и такой бас, что мебель вздрагивала, когда он ссорился с доном Габриэлем из-за какой-нибудь траншеи, неправильно обозначенной вилкой на скатерти, или истинных свойств некоего французского военачальника “со смешной фамилией, как у всех французов”. Покойная супруга дон Херманико была значительно моложе него и родила единственного сына, Гильермо²², который изучал медицину в Германии.

– В Кельнском университете, давшем миру самых выдающихся врачей, – хвастался дон Херманико.

Дон Габриэль не придавал этому факту должного значения и заводил разговор о своих трех сыновьях: они были столь умны, что после окончания учебы в Париже остались там, женились на прелестных француженках и подарили ему внуков, которых он знал только по черно-белым фотографиям. Карточки в рамках всех этих детей, которых он никогда не видел, поскольку они никогда к нему не приезжали, украшали его комнату. Дед с удовольствием и гордостью произносил французские имена: Жан-Батист, Марион, Камилла, Оливье, Катрин, Бенуа, указывая пальцем на лица, пусть даже, как мне думается, уже не мог их рассмотреть. Похоже, дон Херманико не раздражал его друг-соперник только в те минуты, когда тот говорил о своем многочисленном и далеком семействе.

– По крайней мере, дон Херманико может быть уверен, что его сын вернется, когда окончит учебу, – утверждала тетя. – Он не так любит Германию, как его отец.

Пятые достойные внимания усы в доме принадлежали Ангустиас – темный торчащий пушок над верхней губой гармонировал с таким же пушком между бровями, дополняя мужеподобное выражение ее лица.

Карлос же ежеутренне прилагал немалые усилия, чтобы на его лице не осталось ни волосинки, и иногда мне казалось, что это своего рода бунт. Он поселился в пансионе, едва сдал экзамен на хирурга-стажера, и теперь трудился, зарабатывая на оплату учебы, съедавшей все его накопления.

– Я не беру с него денег, но он во всем мне помогает, – объяснила тетя, – особенно с пожилыми сеньорами. Жду не дожусь, когда он окончит учебу и получит диплом. До чего же кстати нам будет собственный врач в этом доме престарелых!

В прошлом четверо сеньоров были друзьями дон Фортунато, покойного супруга тети Паки, и все четверо по разным причинам оказались одиноки, что и привело их в пансион “Кольменарес”. Никого не удивляло, что у некоторых из них, как, например, у дон Херманико, имеется собственный дом неподалеку. Тетя подарила им что-то вроде новой семьи, частью которой теперь становилась и я, хотя и без усов, которые стали бы моим отличительным признаком.

Тогда мне показалось, что жить вместе с чудаковатыми стариками, мужеподобной служанкой и, видимо, презирающим меня студентом-медиком – это чересчур, и я пообещала себе

²⁰ Имеется в виду Первая мировая (1914–1918).

²¹ Жозеф Жак Жоффр (1852–1932) – главнокомандующий французской армией в 1914–1916 гг. Эрих Фридрих Вильгельм Людендорф (1865–1937) – один из авторов военной стратегии Германии в последние годы Первой мировой войны.

²² Отметим, что “Гильермо” – испанский вариант немецкого имени “Вильгельм”.

проводить в пансионе как можно меньше времени. Поскольку мне предстояло учиться, а также сдержать обещание, данное тете Лолите, эта задача не выглядела трудной.

Глава 2

Мы судим о людях по себе

Сентябрь 1930 года

Вскоре я узнала, что Платоновское общество не занимается философией, и не раз потом удивлялась, как подобная глупость вообще могла прийти мне в голову. Чтобы тетя на старости лет вздумала изучать философию? Немыслимо.

Однажды в воскресенье, когда я на кухне читала сборник поэтов-модернистов, в пансион прибыли две очень серьезные супружеские пары – “к сестре Паке”, как они сообщили Ангустиас. Та кивнула и со сдержанной и загадочной улыбкой провела их в гостиную и предложила напитки. Тетя не замедлила явиться и торжественно затворила дверь.

– Не пугайся, если услышишь шум, – предупредила меня Ангустиас, заводя вверх глаза. – Всегда что-нибудь разобьют.

И правда, вскоре мы услышали звук удара, вскрик, звон опрокинутой чашки и, кажется, что-то разбилось. Ангустиас развела руками.

– Может, пойти посмотреть, что случилось? – Меня удивляло ее равнодушие.

– Сеньора не любит, когда ее отвлекают во время визитов.

Через некоторое время тетя Пака вошла в кухню и рассказала, что когда они поднимали стол, одной гостье стало дурно и стол упал. Я подумала, что абсурдно затевать перестановку мебели в темноте, и спросила, все ли чувствуют себя хорошо.

– Дорогая, хорошо – это не то слово! Сегодня сеанс потрясающий. Первый ответ был великолепен! Хочешь присоединиться?

Я взглянула на Ангустиас, но ее выражение лица могло означать как то, что тетя сошла с ума, так и то, что мне следует скорее бежать за ней. Я поддалась любопытству.

Через двадцать минут обе супружеские пары и мы с тетей прогулочным шагом направлялись на улицу Барко, где находилось Общество психологических изысканий “Платон”. По дороге тетя рассказала, что дома они вертели в воздухе стол при помощи духов, чтобы узнать, “расположены ли те сегодня”. Я устала на нее, ожидая знака, что это шутка, но не дождалась. Затем тетя сбивчиво и сумбурно изложила мне основы спиритизма и в конце заверила, что за ним будущее, потому что спиритизм позволяет своим последователям придерживаться любой религии. После чего перекрестилась, и я была окончательно сбита с толку. Однако стало ясно, что речь идет о призраках, и хотя я старалась не растерять свой скепсис, к любопытству начал примешиваться страх.

Зал Платоновского общества был полон, когда мы пришли. Люди сидели на стульях, обратившись лицом к сцене, где стояли изображение святого Сердца Иисусова и портрет какого-то мужчины, – тетя сообщила, что это Аллан Кардек, которому духи поведали свое учение. Затем она велела мне занять любое место в зале, а сама направилась на сцену.

Тут же какой-то сеньор мягким, гипнотическим голосом приказал потушить свет и добавил:

– Братья и сестры, во имя Господа Всемогущего открываем наше заседание.

Он читал лекцию о видениях какого-то библейского пророка. Собравшиеся слушали внимательно, в почтительном молчании. Я помню только, что тема меня не заинтересовала, но атмосфера была одновременно умиротворяющей и сосредоточенной, как на церковной службе. Затем на трибуну поднялась тетя Пака и попросила духов явиться. Я сразу отметила, что, кроме меня, никто не испугался. И что только я вздрогнула, когда первый дух стукнул по столу. Я вспомнила рассказ тети Лолиты про Фернандо Вильялона, но происходящее вокруг выглядело совсем иначе, чем мне представлялось.

Внезапно тетя Пака скривилась словно от боли – это дух овладел ею, как пояснил какой-то сеньор на сцене. Я обмерла. В висках стучало: бежать, бежать подальше от этого кошмара! – но я не могла двинуться с места. Испуг сковал меня, я сидела не дыша. Одна из дам, *ясно-видящая*, принялась рассказывать о духе, так ужасно страдавшем внутри моей тети. Это был пекарь из Жироны, убивший собутыльника, и теперь он жаловался на судьбу. Глухим и страшным голосом, принадлежавшим словно самому Люциферу, пекарь устами тети Паки молил, чтобы загробное наказание не было слишком долгим. От ужаса я вцепилась ногтями в колени и замерла. После у меня болели пальцы, а на ногах остались красные отметины.

– Тем более что в пекле скоро места на всех не хватит!

Сказав это, адский дух зашелся хохотом, от которого кровь леденела в жилах, однако никто из зрителей и бровью не повел, наоборот – я заметила, что некоторые даже что-то записывают. Я ощущала напряжение во всем теле, чувствуя себя кем-то вроде загнанного животного, между тем вокруг все были спокойны, и это пугало даже больше, чем то, что в тетю вселился мертвый убийца.

Наконец сеанс закончился и дух вернулся туда, откуда прибыл. То ли от ужаса, то ли от любопытства я и не заметила, как пролетело время. Тетя спустилась со сцены, бледная как сама смерть, обронила, что ей нужно что-нибудь сладкое, дабы прийти в себя, и, утомленная выступлением, спросила, не хочу ли я в скором времени войти в Платоновское общество, поскольку у меня наверняка есть парапсихические способности. Я с натянутой улыбкой отказалась, и тетя, не желавшая замечать, что у меня дрожат колени, предположила, что я еще слишком юна для тайн мироздания. Тем не менее уже по пути домой, когда мы проходили мимо Королевской площади, она поведала мне историю Дома с семью трубами.

Этот небольшой дворец, построенный в XVI веке, сохранился, несмотря на все связанные с ним жуткие легенды. Главной приметой здания были венчавшие его семь каминных труб. С балкона моей комнаты в пансионе “Кольменарес” я видела их силуэты на фоне мадридского неба и стала хуже спать, после того как тетя рассказала мне о своих безуспешных попытках установить контакт с женщиной, появлявшейся на крыше.

– Мне всегда хотелось узнать ее тайну, но она молчаливый призрак, что тут поделаешь.

Дворец построили для дочери придворного егеря Филиппа II²³ Елены по случаю ее бракосочетания с капитаном королевского флота. Вскоре после свадьбы капитана отправили во Фландрию²⁴, где он и погиб. Горькая новость изменила характер молодой супруги, она стала печальна, полюбила долгие прогулки. Однажды утром ее нашли в постели мертвой, но с необъяснимой улыбкой на лице.

Быстро разлетелся слух, что у Елены был любовник, достаточно влиятельный, чтобы послать ее мужа на верную смерть, – не кто иной, как сам король. Ее же кончина обрастала самыми немыслимыми домыслами. Служанки уверяли, что Елена ждала ребенка и потому стала так молчалива после гибели нелюбимого супруга. Сложнее было определить, убил ли ее человек, подосланный королем, или призрак, то есть ревнивый муж, знавший, что жена беременна от другого. Оба объяснения вызывали у горничных одинаковый ужас, тем более что во время бдения тело Елены пропало.

С того самого дня ее тень стала появляться на крыше Дома с семью трубами. Она уверенно шла по черепице, держа в одной руке факел, а другой указывая в направлении королевского Алькасара²⁵, на месте которого годы спустя построят дворец Орьенте. Люди уверяли, что на ней та же ночная рубашка, в которой ее нашли мертвой.

²³ Филипп II (1527–1598) – испанский король из династии Габсбургов.

²⁴ Фландрия в XVI в. – одна из нидерландских провинций, унаследованных Филиппом II от отца, императора Священной Римской империи Карла V. В 1560-е годы в Нидерландах началась борьба за независимость.

²⁵ Многократно перестраивавшаяся крепость в Мадриде, впоследствии королевский дворец, сгоревший в 1734 г. На месте Алькасара был выстроен новый королевский дворец, перед которым находится площадь Орьенте.

Прошло много лет, а женщина с факелом по-прежнему являлась среди семи каминных труб, давших название дому. Иные говорили, что его хозяйка прячется в тайном убежище: бесчисленные ходы и галереи, прорытые под Мадридом, давали пищу для легенд. Там, в одиночестве и мраке, горя ненавистью к королю, она якобы родила дочь, которая не выносила солнечного света и выходила на улицу лишь ночью, сменив на крыше Елену и вечно указывая на причину материнского бесчестья и своего рождения. Но тетя Пака полагала, что ребенок так и не родился, а женщина с факелом, легко ступавшая по крыше, была страдающей душой Елены, жаждущей вечного покоя.

– В прошлом веке здание купил банк, – добавила тетя доверительно, – и во время ремонта в одной из стен нашли замурованную женщину в белом.

Меня пробрала дрожь:

– Живую?

– Детка, не говори глупостей. Ну какую живую, триста лет прошло. Кстати, у нее была такая же ночная сорочка, как у призрака, а в руке зажата горсть золотых монет с профилем Филиппа II. К сожалению, так и не удалось выяснить, кто это. И когда ее замуровали. Вопросов много, ответов мало, а привидение не хочет со мной разговаривать. – Тетя благодушно посмотрела на меня, не замечая, что я буквально трясусь от страха. – Может, с тобой поговорит, ты все-таки моложе.

– Со мной? – выдавила я в панике.

– У тебя есть способности, я вижу. Ты и сама уже убедились в нашем семейном даре.

После этого разговора я стала подальше обходить Дом с семью трубами, а перед сном в ужасе смотрела на занавески, молясь, чтобы их не раздвинула белая рука и в комнату не вошел призрак, желающий поболтать.

Первая встреча с Вевой – моментальный снимок, который никакие последующие события не смогли стереть из моей памяти. В первый учебный день она курила на улице у входа в Школу кардинала Сиснероса. В то время ни одна приличная девушка ни под каким предлогом не могла делать три вещи: курить, носить брюки и ездить на велосипеде. Вева нарушила все три правила, а кроме того, была без шляпки. В отличие от многих других воспоминаний, со временем посеревших, цвет ее брюк – бордовый – так и стоит у меня перед глазами.

Многие аудитории Центрального мадридского университета находились в том же здании, где я сдавала вступительный экзамен, но вход на университетские занятия по философии и филологии был со стороны улицы Сан-Бернардо, а не Лос-Рейес, где девушка в брюках коротала время куда элегантнее, чем прочие смертные.

От пансиона до Сан-Бернардо было минут двадцать пешком. Тетя уже отметила мою любовь к прогулкам и подозревала, что для передвижения по городу я буду пользоваться собственными ногами, так что догадалась подарить мне удобные мужские ботинки на шнуровке, полагая, что иначе я окончательно разобью свои туфельки провинциальной барышни.

В тот день я выбрала кружной путь, чтобы посмотреть киноафиши на проспекте Гран-Виа, и пришла в университет раскрасневшаяся, растрепанная и в мужских башмаках. Студенты весело и беззаботно сновали туда-сюда, собирались в кружок, обнимались и обменивались новостями о недавних каникулах. Было очевидно, что многие окончили Школу Сиснероса и начало учебы в университете означало для них переход из одной двери в другую в том же здании. Мысль, что я могу оказаться единственной новенькой, напугала меня, хотелось развернуться и попросить тетю отправить меня обратно в деревню первым же поездом.

У входа толпилось больше студентов, чем студенток. Юноши были галантны с барышнями, не впадая в слащавость; девушки с книгами под мышкой ходили по двое. Каждую студентку провожал какой-нибудь родственник, не прощавшийся, пока не убедится, что его подопечная нашла подругу, с которой пойдет на занятия. А я пришла в университет одна и в

ботинках, ничуть не похожих на элегантные туфли на каблукках моих соучениц, прибывших на машине, на метро или на автобусе. “Городские”, – подумала я. Без сомнения, все сочтут меня провинциалкой, хотя и не бедной. Дрожащими руками я попыталась заправить влажные от пота локоны под шляпку. Я даже не заметила, что никто не обратил на меня внимания. Никто, кроме нее.

Расслабленно опершись о велосипед, она курила сигарету в мундштуке. И смотрела так дерзко, что мне стало неловко, будто передо мной не девушка, а мужчина с сомнительными намерениями. Никогда раньше я не видела женщину в брюках и без шляпы. Никогда не встречала ровесницу со столь независимым выражением лица и раскованной повадкой – совсем как у мужчины. Глядя на нее, я осознала, что нас учили всегда держаться напряженно, следить за тем, кто как на тебя посмотрит, и позавидовала снисходительному отношению к мальчикам – все у них было менее строго, более свободно. Воспитатели этой девушки явно не видели разницы между мальчиками и девочками. Она улыбнулась, заметив мои мужские ботинки, и я привычно улыбнулась в ответ: меня так учили.

Незнакомка столь решительно направилась ко мне, что я едва не попятилась. Черные как смоль кудрявые волосы – и таких волос я тоже никогда не видела – красиво падали на бледное лицо, черные глаза сияли. Броская помада сочеталась с цветом брюк. Подойдя, она протянула руку:

– Хеновева Вильяр. Можешь звать меня Вева.

– Тина Вальехо.

– Тина! Звучит дерзко, артистически.

– Это уменьшительное от Агустины. – Я как будто оправдывалась.

Вева звонко расхохоталась, даже не пытаясь прикрыть рот ладонью:

– Я никому не скажу. – И подмигнула.

Выбросив окурок, она подхватила меня под руку и повлекла вглубь вестибюля, уверяя, что мне все равно придется войти, иначе она сочтет меня трусихой, а трусов она презирает. И снова рассмеялась, не дожидаясь моей реакции.

– Но, думаю, ты не трусиха, иначе не надела бы такие ботинки.

– Они удобные.

– Вот именно. Женщинам не разрешают носить удобную обувь, ведь если у нас ноют ноги, мы больше ни о чем и думать не станем.

Я заметила, что Вева тоже в мужских ботинках, но более красивых и элегантных, чем мои, однако моя обувь ей явно понравилась. Выбрала ее тетя Пака и только что подарила мне подругу.

Вева шагала по коридорам точно завоевательница. Я терялась от ее громкого голоса, отзывавшегося эхом от высоких сводов на мраморных лестницах. Она сообщила, что ее отец – богатейший андалусский скотовод. Он мечтал о сыне, который так и не родился, и решил воспитать четвертую, младшую дочь как наследника. Отца Вевы звали Викторино Вильяр – она сказала это так, будто имя мне известно.

– А я представляюсь Вевой, чтобы соответствовать инициалам на мундштуке, который у него стащила.

Вева показала мундштук с выгравированными золотыми буквами и продолжила рассказывать об отце со смесью восхищения и обиды, которой я тогда не могла понять. Такая же провинциальная барышня, как и я, она тоже много лет училась на дому и лишь последний год – в Школе кардинала Сиснероса, но не завела там подруг, хотя поначалу ее будоражила мысль, что можно наконец общаться со сверстницами и не бояться наказания. Так и сказала, и хотя я не поняла про наказание, однако не стала ничего спрашивать.

– Ты же сядешь со мной, правда? – почти взмолилась я.

– Разумеется. С таким именем тебя точно ждут великие свершения, я не хочу ничего упустить. И потом, даже если нас рассадят по алфавиту, мы же “Вальехо” и “Вильяр”, и должно очень сильно не повезти, чтобы между нами затесался какой-нибудь “Веларде”.

Она снова подмигнула, и я наконец почувствовала себя уверенно. Блестящий черный глаз Вева словно указывал мне мое место в жизни.

Никакого Веларде не нашлось, и с первой же минуты, когда мы сели рядом, Вева с удивительным простодушием стала ходить со мной за руку. Остальные меня скорее не замечали, но с ней здоровались, называя по имени. Когда я указала на это Вева, она ответила, что узнавать человека – одно, а знать – совсем другое. Я сказала, что кажусь себе невидимой, и она посоветовала не путать невидимость с робостью. Я по-прежнему опасалась, что окружающие сочтут меня избалованной деревенщиной, но звонкий смех новой подруги избавлял от тревоги. На второй день занятий я призналась, что чувствую себя очень неуверенно. Вева нахмурилась и оглядела меня с головы до ног. Определившись наконец с диагнозом, она наставила мне палец между бровей и сообщила:

– Если мадридские девушки и подумают, что ты не такая, как они, то из-за этого.

Я потрогала брови, пытаясь нащупать предательский дефект.

– А что не так?

– Растут как попало. Сейчас модно выщипывать.

Я тут же вспомнила Ангустиас и подумала, что в глазах новой подруги выгляжу приблизительно так же, но потом заметила, что Вева и сама не выщипывает брови, в отличие от других студенток, ходивших мимо нас по коридору.

– А ты почему не выщипываешь?

– При чем тут я? – ответила Вева раздраженно. – Это же ты спросила. Я своей внешностью довольна.

Мне понравилась ее независимость. Однако сама я – пусть и провинциалка, но из приличной семьи – не могла допустить, что соученицы сочтут меня неотесанной, и решила обзавестись тоненькими бровками, придававшими лицу вечно удивленное выражение.

В группе было еще восемь девушек, сдержанных, молчаливых и современных. Мне нравилось разглядывать, как по-городскому они одеты, – казалось, их одежда даже пахнет иначе, чем у меня. Они, в свою очередь, смотрели на Вева с недоверием и восхищением, чему та не придавала значения. Собственно, она мало что воспринимала всерьез, не считая книг. Любовь к книгам нас объединяла.

– Если и правда существует рай и ад, как нам рассказывали, – говорила Вева, куря сигарету в мундштуке, – то разница между ними в количестве книг. На небе, наверное, есть все, включая запрещенные книги и те, что еще не написаны. Только представь себе, что можно читать книги, которых пока нет даже в замысле, чьи авторы еще не родились, потому что их деды и прадеды сами еще дети! Да, рай, должно быть, таков. А в аду книг не будет. Или хуже того – одни рецепты.

Мысль, что в аду будет гора кулинарных книг, очень ее веселила.

– Мне всегда казалось, что в аду очень холодно, даже не знаю почему, – ответила я. – Обычно думают, что это какая-то сковорода, на которой вечно жарятся грешники, но я, представляя себе ад, вижу лед, бесконечную мерзлую равнину и босых людей, тонущих в снегу.

– Знаешь, очень поэтично! Я же говорила, у тебя артистическое имя.

– Не знаю, насколько поэтично. Мне хотелось бы представлять себе что-то более похожее на твое... Что-то возвышенное. Но я вижу только снег.

– У меня есть и другой образ ада, – призналась Вева. – Такая же огромная библиотека, как в раю, но стоит открыть книгу, как она рассыпается прахом или сгорает. Или хуже: никто не умеет читать. На самом деле мне часто снится, что я разучилась читать, и я холодею от ужаса.

Мне тоже такое снилось. Я не раз вспоминала день, когда лет в десять или двенадцать, к собственному потрясению, открыла, что читать умеют не все.

У Фелипе мы часто читали сборники стихов из домашней библиотеки, и пусть в некоторых ничего не понимали, но не подавали вида. Время от времени зачитывали несколько строк вслух. Бывало, мы выбирали для декламации как раз самое непонятное, чтобы удивить друг друга, и чтение превращалось в молчаливое соревнование по поиску самых сложных мест. Однажды я заметила, что дочь кухарки Адела, обычно занятая уборкой, пока мы читали, забыла про работу, когда я стала декламировать Кальдерона²⁶. Я замолчала, а та попросила продолжать. Оскорбившись, что Адела шпионила за нами, я протянула ей книгу и сказала, что пусть сама читает, раз ей так нравится. Девушка замерла.

– Ну же, – настаивала я, – почитай нам. Может, отучишься подслушивать.

– Это жестоко, барышня, – пробормотала Адела и в слезах выбежала из комнаты.

Я застыла с книгой в руке, ничего не понимая и сердясь по-прежнему:

– Жестоко? Это же она подслушивала, а не я!

– Она не умеет читать, – объяснил Фелипе.

– Как это – не умеет?

– Никто ее не учил.

Мне не верилось, что кто-то не умеет читать. В детстве мы судим о людях по себе, и если нас с Фелипе научили читать в раннем детстве, то и других тоже, хотя слуг, конечно, учили отдельно от господ. Умение читать казалось мне столь естественным, что я не понимала, как так случилось, что Аделу не научили. Мне стало ужасно жаль ее. Особенно потому, что она любила стихи, но слышала их, только когда мы читали вслух. У Аделы не было возможности читать самой даже ночью, когда никто не мешал совершить налет на господскую библиотеку и выбрать любые книги. Но Адела лишь смотрела на кожаные корешки с золотыми буквами и не понимала знаки, по которым столько раз проходила тряпкой. Огромная часть мира была невидима для ее глаз.

С того дня мне стало сниться, будто я разучилась читать: беру книгу и не понимаю, что за странные символы аккуратными рядами покрывают страницы. Даже сейчас меня порой мучит этот сон. Это был мой худший кошмар, и Вева страдала от него же.

Когда я рассказала про Аделу, Вева ответила, что неграмотных людей очень много.

– И среди женщин больше, чем среди мужчин, как и всегда, когда речь идет о чем-нибудь плохом.

– Да, теперь я знаю. (Борьба с неграмотностью была любимым делом моей тети Лолиты.)

– Ты попросила прощения?

– У Аделы? Думаю, родители удивились бы, если бы я попросила прощения у прислуги.

– Мне было бы все равно, кто чему удивился.

– Не сомневаюсь. Но я никогда не была смелой.

– Это неправда. Посмотри на свои ботинки.

Мне стало стыдно, ведь я так и не сказала Вева, что это не мой выбор, но и сейчас я смолчала.

– С тех пор мы всегда читали вслух, чтобы Адела слышала. Она ничего не говорила, но, надеюсь, была нам благодарна.

– И тебе не пришло в голову научить ее читать? – искренне удивилась Вева.

– Нет, по правде говоря.

– Думаю, она была бы счастлива.

Преподаватель вошел в аудиторию, и мы замолчали. Я обрадовалась, что можно не отвечать на последнее замечание. Вева была права, Адела мечтала научиться читать.

²⁶ Педро Кальдерон де ла Барка и Энао (1600–1681) – выдающийся испанский поэт и драматург.

Я почувствовала себя виноватой. Мы с Фелипе показали Аделе краешек волшебного мира литературы, куда вход ей был заказан, а потом прогнали. Закрыли ей дорогу к воображаемому вселенным и неизмеримой мудрости. Сами того не сознавая, отказали ей в радости чтения, хотя знали, что она любит стихи и, может, лучше нас чувствует их сердцем.

Фелипе не раз говорил мне, что простым людям достаточно умения считать на пальцах, а читать и писать незачем, слуг нехорошо манить в мир, который им все равно недоступен. Зачем учить человека читать, если до конца своих дней он будет доить коз или подавать чай тем, кому больше повезло в жизни? Я всегда слушала молча, не задумываясь, так ли это, но в тот день в университете я пропустила всю лекцию по латинской грамматике, потому что Вева посеяла во мне сомнения. Кто я такая, чтобы решать, кому учиться, а кому нет? Может, у людей жизнь станет лучше просто оттого, что они смогут понимать написанное в книгах. Какой душой я была раньше, маленькой капризной душой!

– Кстати, – прошептала Вева, – ты была в библиотеке Женской резиденции?

Я покачала головой.

– Давай сходим, мне сказали, туда всех пускают.

Вева знала, что в Женской резиденции, где я мечтала жить, есть публичная библиотека, а я не знала. Покажите мне человека, у которого нет всеведущей подруги! Но для меня это было внове. Вева была моей первой настоящей подругой, и, мне кажется, тогда-то я и задумалась – возможно, из тщеславия, – не рассказать ли ей о Невидимой библиотеке.

Мадрид тысяча девятьсот тридцатого года всегда видится мне удивительно светлым. Ему полагалось быть пасмурным, ведь стояла осень, но он сиял. Меня не удивляло, что тетя никогда не спрашивает, где я была и что делала. В деревне я пользовалась той же свободой и не подозревала, что в Мадриде барышни живут иначе. Тетя слепо верила, что любые приключения пойдут мне на пользу, а если случалось усомниться, духи спешили успокоить ее при помощи карт или гадательной доски. Поэтому я наслаждалась свободой столь полной, какая только может быть у восемнадцатилетней девушки, ничего в жизни не видевшей, но желающей познать секреты мира.

Вева вела себя так, словно у города нет от нее тайн. Она дала мне одолженный у зятя велосипед, который я так и не вернула, наш консьерж ставил его во внутреннем дворе. Чаще всего мы ездили на улицу Мойяно и глазели на книги и их любителей. На смену развалам букинистов уже пришли аккуратные киоски, но нас манил сам сладковатый запах старых книг. Вева обожала сочинять истории о прохожих, я умоляла ее записывать, но она так и не послушалась. На улице Мойяно я впервые увидела Графа-Герцога²⁷.

В толпе он выделялся ростом и элегантностью, а острое лицо было, пожалуй, красивым, но неуловимо странным – не сразу я поняла, что у незнакомца стеклянный глаз. Возможно, он-то и напугал тогда меня, потому что больше ничего зловещего (словечко Вевы) не было в этом кабальеро с тростью, в испанском плаще и шляпе. Он беседовал с одним из книготорговцев, жестикулируя изящно, словно в танце. Я обратила внимание на его аккуратные аристократические усы и тонкие, идеально скроенные лайковые перчатки. Что-то в нем притягивало к себе взгляд, и пока он торговался за книгу в красивом кожаном переплете винного цвета, мы с Вевой стояли молча, зачарованные его хищной улыбкой. Впечатление было такое, словно мы наткнулись на одинокого волка. Незнакомец с улицы Мойяно был диким зверем, подавшимся цивилизации по доброй воле. Доверия он не внушал.

При этой мысли я невольно поежилась. Человеку со стеклянным глазом верить нельзя.

– Что? – спросила Вева.

²⁷ Титул “граф-герцог” действительно существовал, его самый известный обладатель – Гаспар де Гусман граф-герцог Оливарес (1587–1645), выдающийся испанский политический деятель.

Тайна тети Лолиты душила меня. А если это он? В тот вечер, когда возродилась Невидимая библиотека, в доме поэта Вильялона рядом с архитектором, хозяйкой типографии, учеником, писателем, Глупцом и Лунным Лучом стоял человек со вставным глазом. Про которого позже сказали, что ему нельзя верить. Вздрогнув, я покачала головой:

– Думаю, нам пора.

Вева не поняла почему, но не спорила. Лавируя между трамваями и двухэтажными автобусами, мы покатали прочь. Слово “зловещий” крутилось у меня в голове, но Вева словно обо всем позабыла и принялась пересказывать старые городские легенды. Если это был тот самый человек, я упустила первую возможность приблизиться к тайне тети Лолиты.

В тот день я нарушила обещание никому о ней не рассказывать. Уже рядом с пансионом, заразившись радостным возбуждением от зрителей, спешащих в цирк “Присе”²⁸, я поведала Вева историю Невидимой библиотеки. Она походила на истории самой Вевы, где то и дело мелькали свечи и потусторонние явления, но с одним отличием, от которого глаза моей подруги засияли, как самоцветы, – речь шла о книгах.

– То есть ты в Мадриде уже почти два месяца и до сих пор не попыталась найти этих людей?

– Да, – ответила я пристыженно.

– Но это же лучшая история в мире! Богачи, играющие во власть, спрятанные книги, призраки и тайные общества. Невидимая библиотека!

Я ощутила укол совести.

– Еще мне сказали, что это тайна, о которой никто не должен знать.

Вева взяла меня за руки и поцеловала, испачкав помадой.

– Спасибо, дорогая, – слово “дорогая” она произнесла медленно, с чувством, – спасибо за доверие.

Я не призналась, что вспомнила о Невидимой библиотеке благодаря незнакомцу с улицы Мойяно, и не сказала, как меня напугал его хищный облик. Я не хотела выглядеть трусихой, опасаясь, что Вева посмеется надо мной. С момента нашего знакомства мне часто казалось, что я могу потерять ее в любую минуту, и оттого я делала глупости – например, умолчала, что зловещий кабальеро, возможно, и есть ключ к разгадке тайны, восхитившей мою подругу.

Едва я вошла в пансион, как Ангустиас вручила мне письмо от Фелипе, которое я положила в тумбочку и распечатала лишь несколько дней спустя, когда, совершенно о нем забыв, случайно наткнулась на конверт в ящике. Фелипе писал, что он уже в Саламанке и учеба дается ему легко, хотя сам предмет неинтересен. Что иногда он подходит к окну, смотрит на звезды и вспоминает обо мне. Меня так и подмывало ответить, что я, напротив, к окну не подхожу, потому что боюсь привидения на крыше дома напротив, но я не решилась этого написать. Я снова повела себя с другом неискренне.

В декабре Вева наконец устроила мне косметический сеанс. На улице Сан-Бернардо, дожидаясь нас, курила живописная девица с обесцвеченными волосами. Старое платье чуть не разлезалось на ней, под нижней губой красовалась огромная родинка, но ни у кого еще я не видела столь красиво выщипанных бровей. Я сразу приняла ее за проститутку и укрепилась в своих подозрениях, когда она представилась как Стремительная Эстрельита²⁹ и спрятала в вырезе платья протянутую Вевой банкноту в две песеты.

²⁸ “Театр-цирк”, созданный во второй половине XIX в. в Мадриде ирландцем Томасом Прайсом. Со временем в названии закрепилась испанизированная форма фамилии основателя – “Присе”.

²⁹ Испанское слово “эстрельита”, уменьшительное от “эстрелья”, означает “звездочка”.

Я ошиблась. Эстрельита, парикмахер и косметолог, часто работала у клиенток на дому в здании, где жила Вева со своей сестрой и ее мужем. Но это занятие было для нее лишь побочным заработком. Истинный талант Эстрельиты состоял в умении провоцировать, и делала она это стремительно, на что намекал ее артистический псевдоним: она пела непристойные песенки в темпе, способном довести до инфаркта людей со слабым сердцем. Эстрельита обладала звонким голосом и злым языком, восхитившими Веву с первого дня их знакомства на лестнице, куда обе выскочили тайком покурить. И Вева почти сразу попросила Эстрельиту привести мне брови в порядок.

– Я уж подумала, твоей подружке нужна помощь другого рода, сама понимаешь. – Эстрельита визгливо расхохоталась, Вева засмеялась, а я растерянно улыбнулась, не поняв шутки.

Мы направились к Эстрельите, жившей у водонапорных башен на канале Изабеллы Второй. Прежде я никогда не спускалась в метро, но в ту первую поездку от станции “Новисьядо” до “Куатро-Каминос” я избавилась от предрассудков. Подземная железная дорога сначала казалась мне таким же абсурдом, как корабль, пробирающийся по морскому дну. Эстрельита, напротив, шутила с кассиршами и знала их по имени.

На небольшой круглой площади Куатро-Каминос мне открылся другой Мадрид, зарождающийся – огромные многоквартирные дома стояли бок о бок с крохотными домишками, люди тут не отличались элегантностью и про последние моды явно не слышали. Даже лица прохожих больше напоминали те, какие увидишь на деревенской улице.

– Мы снимаем комнату с соседкой, танцовщицей, но сейчас ее нет, потому что по вторникам она моет лестницы в одном богатом доме. Так что никто нам не мешает, – объяснила Эстрельита, извлекая ключ из цветастой сумочки.

Квартира выходила во внутренний двор, пахло потом и едой, по коридору слонялись усталые молодые женщины. Из одной комнаты доносился детский плач, из другой – голос доктора Гонсало Авельо, который делился своими советами по радио. Мне стало душно и неуютно, я пожалела, что сразу не сняла пальто.

Комната Эстрельиты производила не столь гнетущее впечатление, хотя и выглядела тесной. Там помещались две железные кровати с набитыми шерстью тюфяками, два одежных шкафа. Все было завалено какими-то вещами. Мое внимание привлекла груда книжек рядом с ночным столиком, я взяла первую попавшуюся и стала листать. Значит, Эстрельита умеет читать и у нее есть книги. Да еще какие! Я держала в руках “Чары круглой кровати”. Прочитав название, я чуть не разжала пальцы, но тут увидела имя автора: Альваро Ретана. Тот самый порочный писатель, с которым тетя Лолита познакомилась в доме поэта Вильялона!

– Ты же умеешь читать, правда? Возьми, отличная книжка, – сказала Эстрельита, копаясь в шкапулке с восточным орнаментом. – Альваро Ретана – самый красивый писатель на свете.

– Это порнография, – заметила Вева, давась от смеха.

– Нет, порнография вот. – Эстрельита достала из ящика связку открыток и бросила на кровать.

Вызывающие позы, обнаженные и полуобнаженные тела запечатленных на карточках женщин смутили меня больше, чем книга Ретаны. Вева же внимательно изучала открытки, пока Эстрельита что-то искала и заодно рассказывала, что она одна из всех жильцов квартиры грамотная, а потому читает и пишет письма бедняжкам соседкам. Книжки и открытки служат ей источником вдохновения для номеров, которые она создает сама на мелодии популярных песен вроде “Цветочницы” или “Реликвии”. Эстрельита уверяла, что за желание творить расплачивается безвестностью, поскольку ни один мужчина не может простить ей того, что она талантливее.

– Так и живу, терплю голод и холод, а ведь я могла бы затмить Маргариту Щиргу³⁰.

³⁰ Маргарита Щиргу Субира (1888–1969) – выдающаяся испанская актриса, уроженка Каталонии.

Пока Эстрельита болтала, Вева взяла еще одну книжку и показала мне имя автора на обложке – вдруг я не заметила, что это один из героев тетиной истории. Я заговорщицки кивнула. Вева с трудом сдерживала смех. Обнаружив, какие книжки пишет Ретана, я ощущала негодование, а Вева веселилась как ребенок.

Эстрельита умела выщипывать волоски так, что брови превращались в ниточку. Она утверждала, что научилась этому у одной старухи-филиппинки и работает со скоростью, которую обещает ее псевдоним. Пока Эстрельита была занята моими бровями, Вева молчала, лишь посматривала на нас с интересом. Наконец Эстрельита выпрямилась, сделала книксен и протянула мне старое зеркало на ручке. Я не узнала себя.

Лицо сделалось утонченным, вне всякого сомнения, и выглядело, безусловно, современно, но это было не мое лицо. Из-за тонюсеньких линий, изгибающихся теперь у меня над глазами, я стала похожа на героиню какой-то драмы.

– Очень красиво, – заявила Вева. – Хотя ничего удивительного, ты и всегда была красавица.

– Актриса, да и только! Слегка нескладная, – Эстрельита оглядела меня с головы до ног, – но если смотреть только на лицо, прямо маска в Доме музыки!

– Да ну! – возразила я, не привыкнув еще к своему новому томному виду.

– Теперь ты похожа на всех этих красоток, – заключила Эстрельита, закуривая.

Когда мы уходили, она предложила мне взять почитать какой-нибудь романчик Ретаны. Я отказалась не без ханжеской брезгливости, над которой Вева потешалась, пока мы не вышли на улицу.

– А если в тексте зашифрован ключ к Невидимой библиотеке? Представляешь? – смеялась она.

До обеда оставалось еще немало времени, и Вева предложила дойти вместе до ее дома. В подъезде она приветствовала консьержа улыбкой, которая бледнела по мере того, как мы поднимались по лестнице и приближались к двери. Из квартиры доносились грохот и хриплые мужские крики. Несколько минут мы стояли молча. Потом воцарилась тишина. Вева прикусила губу и закурила.

– Кстати, я же не показала тебе библиотеку в Женской резиденции.

От спокойствия, с которым Вева произнесла эту фразу, мне стало немного не по себе.

– Да.

– У них хорошая библиотека, но вся жизнь регулируется правилами и расписаниями, от которых тоска берет, честно. То ли дело мы, живем себе свободно.

– Так свободно, что ты домой зайти не можешь?

Вева глубоко вдохнула и произнесла ледяным тоном:

– Думаю, тебе пора. До завтра.

Она повернулась и скрылась за дверью, не добавив ни слова. Я не успела сказать ни “спасибо”, ни “до свидания”. Уже внизу до меня снова донеслись крики из квартиры на втором этаже, я вздрогнула. В подъезд вошла сеньора с корзиной овощей:

– Вечно у них одно и то же, – пробормотала она.

Не помню, ответила ли я. Консьерж поспешил к сеньоре, чтобы донести корзину, а я выскочила на улицу, словно дом был охвачен пожаром. Я думала о Веде и ее сестре – наверное, они привыкли к бьющейся посуде, окрикам и тычкам. Если жена сама виновата, – похоже, думал зять моей подруги, – так ей и надо. Я совершенно растерялась. Нужно было увести Веву? Или войти с ней? Вернуться, когда соседка с корзиной подтвердила мои опасения?

Я прекрасно помнила, как мама поссорилась с тетей Лолитой по похожему поводу. Тетя возмутилась, узнав, что общий знакомый, которого она считала порядочным человеком, избил жену. Мама ответила, что наверняка было за что, и тетя взорвалась:

– Вот из-за таких, как ты, мы никогда не добьемся права голоса!

Мама так резко изменилась в лице, что мне стало смешно.

– За что ты собралась голосовать? – Мамин голос дрожал от гнева.

– За все, что касается моей жизни! – Тетя обратилась ко мне: – Если когда-нибудь мужчина поднимет на тебя руку, просто отруби ее! И неважно, насколько ты от него зависишь.

Тетя подмигнула мне, а мама вскочила так стремительно, словно хотела наброситься на тетю. Она в ярости приказала ей убираться, а тетя ответила, что с удовольствием. Мы сидели за чаем, мне было лет восемь. Вечером тетя Лолита не вернулась, и я слышала, как отец ругался, прежде чем отправиться на ее поиски. В тот день я поняла своим детским сердцем, как несправедливо, что мужчина бьет женщину просто потому, что он сильнее, потому что может, потому что она от него зависит. Но сама я ни с чем таким никогда не сталкивалась, и в моей душе нарастал глухой гнев не против кого-то конкретно, а против несправедливости вообще.

К обеду я опоздала. Едва переступив порог пансиона, я услышала звуки передвигаемых по столу приборов, означавшие, что обед окончен и начались сражения между доном Херманико и доном Габриэлем. В коридоре я встретила Карлоса, выходящего из гостиной с докторским чемоданчиком. Я настолько погрузилась в свои мысли, что даже не ответила на его приветствие и быстро прошла в свою комнату. Через пять минут он постучал.

– Что такое? – откликнулась я так резко, что самой стало неловко.

– Тебе письмо, – ответил Карлос. – Если хочешь, я просуну его под дверь.

– Нет, заходи.

Я снимала шляпку, сидя на кровати.

Карлос вошел, в руке голубой конверт.

– Что ты с собой сделала?

Только тут я вспомнила про свои новые брови и лицо, которое не узнала в зеркале.

– А что такого? Стала похожа на других? Теперь я точно просто избалованная девчонка и мое лицо мне наконец подходит? – задиристо отозвалась я.

Карлос удивленно смотрел на меня. Затем бросил письмо на кровать и повернулся к двери. Прежде чем уйти, он обронил:

– Я хотел сказать, что ты очень похожа на Ракель Мельер³¹.

На другой день в голове у меня еще звучали слова из письма тети Лолиты. Может, я цеплялась за них, чтобы не думать о том, как мы встретимся с Вевой. “Мир не любит тех, кто выделяется. Мир пачкает тебя, дорогая племянница, и любит сам быть в грязи...” Тетя писала, с каким недоверием встречают в деревнях учителей, но я мысленно возвращалась на лестницу, где Вева стояла молча, пока ее сестра страдала. Я закипала. Но отчего? Неужели я ждала, что Вева поведет себя по-геройски? Если я сама бежала без оглядки, почему я злюсь на нее?

Не увидев Веву на углу улицы Рейес, где мы обычно встречались по утрам и где она всегда ждала меня, безмятежная, как Дуглас Фэрбенкс³², поигрывающий шпагой, я ощутила внутри пустоту. Она была моей единственной подругой, но я и не сознавала, что эти встречи столько значат для меня. В тот день Вева опоздала, а когда пришла, просто молча села рядом. На занятии мы не обменялись ни словом. Просто сидели рядом и сосредоточенно конспектировали лекцию, ощущая присутствие друг друга. Время тянулось бесконечно, но вот мы встали и вышли в коридор. Однокурсницы обсуждали планы на Рождество.

– Хочешь, пойдём сегодня в Женскую резиденцию? – вдруг спросила Вева.

– Что?

³¹ Ракель Мельер (настоящее имя Франсиска Маркес Лопес, 1888–1962) – популярная испанская киноактриса и певица.

³² Дуглас Фэрбенкс (1883–1939) – американский киноактер, сыгравший главную роль в фильме “Знак Зорро” (1920, режиссер Фред Нибло).

Внутри у меня все клокотало. Вева, моя чудесная подруга, вела себя так, словно ничего не случилось. Она улыбнулась:

– Женская резиденция, приют скромниц, куда тебе так хотелось попасть. Пойдем посмотрим, что у них в библиотеке.

– Вот как? И все? – Я ушам своим не верила.

– А что еще?

– Не хочешь ничего сказать про вчера?

– Что именно? Что ты теперь похожа на звезду кабаре?

– Про то, что происходит у тебя дома!

Мне вторило звонкое эхо, и кровь бросилась в лицо. Заметив, что другие студентки отвлеклись от обсуждения рождественских каникул и оборачиваются, Вева шикнула на меня, подхватила под руку и увлекла на лестницу. Несмотря на напряжение и злость, я подчинилась, и через минуту мы оказались одни, рядом никого не было.

– Ты с ума сошла? Хочешь при всех обсудить? Это семейные дела, посторонних не касаются. Даже тебя.

– Поверить не могу!

Я развернулась и пошла прочь, не дав ей ответить. Я не могла говорить с ней. В одно мгновение я разочаровалась в своей подруге, даже не понимая отчего. Я шла куда глаза глядят и только на площади Пуэрта-дель-Соль осознала причину своей ярости: Вева не обратилась ко мне за помощью.

С момента нашего знакомства я поставила Веву в центр своей жизни. Я так ее полюбила, что иногда мне казалось, будто мы две половинки одного целого. Я так верила в нашу дружбу, что выдала ей тетину тайну! А она не считала нужным даже рассказать мне, как она живет. Я почувствовала, что Вева не доверяет мне, что я не значу для нее столько, сколько она для меня, что мне не отвечают взаимностью.

На самом деле я злилась на себя. Мама всегда ясно давала мне понять: во мне нет ничего особенного. Почему же Вева должна иначе ко мне относиться? Я почувствовала себя так глупо, и мне стало от этого так больно, что я расплакалась прямо на улице.

Следующие несколько недель мы с Вевой не разговаривали, просто молча сидели рядом, словно не были знакомы. Кажется, Вева сердилась на меня, и, возможно, не без оснований, а я чувствовала удушающий стыд. Я возвращалась домой или долго гуляла по Мадриду одна. Я больше не садилась на ее велосипед, зато впервые отважилась проехать на трамвае. Я тайне надеялась, что Вева так же плохо и одиноко, как мне.

Тогда же, пока мы притворялись, что не скучаем друг без друга, Вева стала проводить вечера в компании Эстрельиты и ее подружек из артистической среды, успела со многими познакомиться, не раз напиться в ужасных кабаках, услышать об отличных заведениях, узнать о тайнах, которые город прятал среди людных улиц. Я же позволила себе только одно маленькое удовольствие – посетила Женскую резиденцию.

Чтобы ознакомиться с фондами библиотеки, пришлось испросить специальное разрешение у заведующей, но подозреваю, что такие разрешения выдавали всем студенткам по первому требованию. Вид стольких девушек, сидящих за столами и сосредоточенно читающих книги и газеты, потряс меня больше, чем собственно библиотека, хотя и она производила впечатление: необъятные стеллажи от пола до потолка, заставленные великолепно подобранными изданиями на испанском и английском. Так и хотелось поскорее присоединиться к остальным, вдохнуть аромат страниц и устроиться читать в светлом зале с огромными красивыми окнами. Никогда прежде я не видела такого количества женщин, собравшихся вместе за учебой. Сердце мое пело.

Наверное, это чувство было хорошо знакомо мужчинам – ощущение, что ты окружен товарищами по призванию. У них всегда было это право. Задумывались ли они о том, какая это ценность? На лицах девушек было выражение, которое я успела отметить у однокурсников в университете, – удовлетворение от того, что ты находишься среди себе подобных. Библиотека Женской резиденции стала тем местом, где я почувствовала себя дома.

Несмотря на то что вечерами я забывала о времени среди библиотечных полок, ночи были мучительны. Я не могла уснуть, а если засыпала, тут же погружалась в один и тот же кошмар: призрачная женщина из Дома с семью трубами указывает на меня белоснежной рукой, не отводя ярко-зеленых глаз. Тогда я видела в этом упрек за глупый разлад с самой собой и с Вевой, но теперь знаю, что она пыталась предупредить меня. Сжавшись под одеялом в своей постели, я не догадывалась, что дух Елены призывает меня поверить в его существование, потому ее глаза и смотрят пристально на меня – зеленые, как у примечтавшихся поэту быков.

В один из таких одиноких вечеров пропал дон Марсьяль.

– Как может потеряться старый артритик, который никогда не выходит из дома! – восклицала тетя Пака.

Пустое кресло, в котором он обычно курил свою пенковую трубку, читал газету, ничего в ней не понимая, и грозился вернуться на Филиппины к Дамьяне, выглядело покинутым. Когда я спросила, куда подевался дон Марсьяль, тетя забеспокоилась и бросилась искать его по всему пансиону. Постояльцы высунулись из-за дверей и глазели, как хозяйка в отчаянии заламывает длинные костистые руки и звенит ключами.

– Мой Фортунато никогда мне этого не простит! – восклицала она, хотя ее супруг скончался четверть века назад.

Накричавшись, наволновавшись и набегавшись, тетя рухнула в кресло в парадной гостиной. Ангустиас предложила заварить ромашку, и в это же мгновение тетя воспряла:

– Ты должна была за ним присмотреть! Как ты не заметила, что его нет! Он обедал? Я не желаю успокаиваться! Когда я спокойна, от меня никакого толку!

Тетя выбежала в коридор, хлопнула дверь ее комнаты.

– Пошла спрашивать, – сказал дон Херманико.

– Думаешь, поможет? – осведомился дон Габриэль, поглаживая усы.

– Раньше помогало, – заметил его друг-соперник.

Дон Фермин молча сжимал руки; казалось, что костюм стал ему тесен и он задыхается.

Тетя совещалась недолго, вскоре она появилась в гостиной и объявила:

– Фортунато уверяет, что дон Марсьяль отправился на Филиппины. Ума не приложу, что это значит.

– Я знаю, – немедленно отозвался дон Фермин. Мы все замерли. – Этого я и боялся. Сейчас вернусь.

С неожиданной в его возрасте энергией дон Фермин поцеловал руку Ангустиас, взял пальто и шляпу и легкой походкой направился к двери. Он отсутствовал около часа и возвратился с доном Марсьялем – тот держал в руках нетяжелый на вид саквояж и выглядел подавленным, словно ему помешали выполнить важнейшую миссию.

– Я готов поклясться, что это там, – повторял он, – но не знаю, где именно... Какой...

– Не волнуйся, дружище, ты уже дома. Выпей ромашки, станет лучше.

Слово “ромашка” для Ангустиас равнялось приказу. Помогая дону Фермину усадить дон Марсьяля в кресло, я коснулась руки беглеца – она была ледяная. Рождество было не за горами, а дон Марсьяль вышел на улицу без пальто и перчаток, уверенный, что на Филиппинах они ему не понадобятся. Тетя по-матерински яростно укутала его одеялами, пододвинула вместе с креслом к жаровне и почти насильно влила в рот горячую ромашку. Дон Фермин

рассказал, что обнаружил дон Марсьяля на Южном вокзале, тот стоял на перроне и смотрел на уходящие поезда.

– Слава богу, что он не сел в вагон, – вздохнул дон Фермин. – Скорее всего, просто не нашел свой поезд.

Лишившись поместья на Филиппинах, дон Марсьяль вернулся в Бильбао. Жена его вскоре скончалась, и он слишком долго прожил один в огромной пустой квартире. Затем решил поселиться в Мадриде в пансионе у тети Паки. Сходя с поезда на Северном вокзале, он полагал, что не задержится в столице надолго. Дон Марсьяль рассказал дону Фермину, что планирует вернуться на Филиппины, где у него осталось нечто очень важное.

– Дамьяна, – язвительно пояснила тетя.

– Дамьяна, – подтвердил дон Фермин. – Но это не то, что вы думаете.

Он пригладил пальцами свои голливудские усики и поведал, что дон Марсьяль вбил себе в голову, что Дамьяна, индианка, батрачившая у него на плантациях, на самом деле его дочь, плод случайной связи с женщиной, с которой он никогда больше не встречался. Дон Марсьяль смотрел в глаза Дамьяны и видел в них свои собственные, ему даже мерещились веснушки на ее щеках – такие же, как у него. Когда испанцы в спешке покидали Филиппины, Дамьяна осталась. А то и участвовала в разграблении поместья или поселилась в нем. По крайней мере, дон Марсьяля такая возможность забавляла, и он часто повторял:

– Кто бы мог подумать, что она вступит в наследство таким образом.

Старик мечтал посмотреть, как та, кого он считал своей дочерью, управляет хозяйством, которым некогда управлял он сам. Он хотел увидеть все своими глазами, чтобы успокоить муки совести. Все путешествия перепутались у него в голове, и он отправился на вокзал, надеясь отыскать знакомый поезд, который, как машина времени, увезет его в прошлое. Но вместо Северного вокзала дон Марсьяль приехал на Южный. Там и началась путаница. Дон Фермин чудом нашел его.

Впервые в жизни я задумалась о том, что наши прегрешения возвращаются к нам в самых невероятных обличьях, иногда преувеличенных или искаженных временем и муками совести. Вечером Карлос навестил старика и успокоил нас насчет его состояния, но мне больно было смотреть на дон Марсьяля, съездившегося от холода и осознания своей вины. Лишь Карлос догадался, что со мной что-то не так, и снова повторил, что вскоре дон Марсьяль и не вспомнит о своем приключении. Он сказал это неожиданно ласково, но я ничего не ответила.

Мне следовало скорее извиниться перед Вевой, но как раз начались рождественские каникулы, и я не смогла: болезнь, от которой дон Марсьяль вскоре оправился, свалила меня с ног и задержала в Мадриде на все праздники.

Глава 3

То, что я пока не могу понять

Январь 1931 года

После каникул с опозданием пришла открытка от Фелипе. Под нарисованной на ней рождественской звездой он написал фрагмент стихотворения Беккера:

Если же глаза у синеглазой
в темноте озарены мечтою,
то мечта в очах ее лазурных
кажется звездой³³.

От этих строк у меня стало спокойнее на душе. Если честно, я по-прежнему не думала о Фелипе как о женихе, нашу помолвку я принимала как любую другую неизбежность и потому иногда чувствовала себя виноватой. Но строчки Беккера, переписанные человеком, обожающим звезды, словно даровали прощение, и казалось, что Фелипе отпускает мне грехи, которые я еще только смутно предчувствую.

Я удивилась, обнаружив, что Вева уже сидит в аудитории, а не бродит по коридору, чтобы войти последней. Лишь подойдя поближе и искоса глянув на нее, я заметила разбитую губу и синяк под глазом.

– Что случилось?

От всей моей злости и холодности не осталось и тени.

– Потом расскажу.

За всю лекцию мы не обменялись ни словом, на перемене молча вышли в коридор. Пока мы шли к туалету, однокурсники смотрели на Веву в неловком молчании, а за спиной принимались перешептываться. Мне было противно от этого. Мы месяц не разговаривали, но меня злило, что подругу обсуждают у нее за спиной.

– Это зять, – коротко сказала Вева.

– Зять?

– Ему от меня тоже досталось, он в больнице.

Вева горько улыбнулась, а я расхохоталась как дурочка. По ее словам, в Рождество на сестрино мужа будто нашло что-то. Мол, всё в этом доме наперекосяк. Он работает как проклятый и терпит прихоти своей женушки и причуды ее сестрицы, которая строит из себя мужика и которую он к тому же содержит. Вева возразила, что это ложь, потому что дон Викторино высылает достаточно денег на всех троих. Зять вместо ответа швырнул в жену тарелку с горячим супом, та вскрикнула, а он, восприняв крик как угрозу, схватил жену за волосы.

Вева не стерпела, вскочила и врзала зятю в челюсть, так что он повалился на пол, увлекая за собой жену. Атака Вевы застала его врасплох, но он поспешил взять реванш. Если бы сестра не бросилась ей на выручку с половником наперевес, Веве пришлось бы куда хуже. Тогда зять решил, что с двумя женщинами ему не справиться, и выскочил на лестницу. Там-то Вева и толкнула его так, что он скатился по ступеням к самой входной двери. В итоге все трое оказались в приемном покое отделения скорой помощи района Чамбери, а зятя на два дня положили в больницу “Принсеса”.

– Сама не понимаю, как я это терпела, – грустно подытожила моя подруга.

³³ Фрагмент стихотворения из книги “Рифмы” Г.-А. Беккера в переводе С. Ф. Гончаренко.

Не зная, что на это сказать, я просто обняла ее. Вева рассказала, что теперь муж сестры “ведет себя как котенок”, и посетовала, что сестра не может развестись, хотя ведь не угадаешь, надолго ли мир в доме. Потом она заявила, что нужно отпраздновать наше примирение и наверстать упущенное время, и предложила в тот же день после занятий отправиться в Женскую резиденцию. Я не призналась, что уже была там, чтобы не расстраивать ее. И даже притворилась, что мне всё внове, когда мы сели на сорок пятый трамвай и поехали на улицу Микеланджело. По дороге Вева рассказывала много интересного – например, что библиотека резиденции получила фонды Культурного центра Соединенных Штатов и потому там столько книг на английском. Я не перебивала.

Мой обман длился недолго. Едва мы вошли в читальный зал, сеньорита Гарсиа, библиотекарь, поздоровалась со мной, назвав по имени.

– Ты была здесь без меня, – без обиняков сказала Вева.

– Да, – ответила я еле слышно.

И, чтобы не осталось никаких сомнений, тут же со мной поздоровалась сеньорита Хилл, заведующая библиотекой, с которой мы обменялись несколькими фразами.

Вева с удивлением уставилась на меня, широко раскрыв глаза, и когда я уже подумала, что сейчас она скажет какую-нибудь резкость, воскликнула:

– Ты знаешь английский? Как я тебе завидую! Я могу объясниться по-итальянски и по-французски, но по-английски ни слова не понимаю. Здесь это очень пригодится.

Затем Вева обратилась к сеньорите Хилл за книгой и больше не упоминала о произошедшем. Так я узнала, что настоящая дружба не в том, чтобы не иметь секретов, а в том, чтобы относиться к секретам друзей с пониманием.

– Ты даже не представляешь себе, чего мы были лишены все это время.

Эта фраза, обозначавшая все, что Вева успела сделать без меня, превратилась в нашу любимую присказку. В компании Эстрельиты Вева стала завсегдатаем таверн и кабаре веселого ночного Мадрида. С ней же она убедилась, что Мадрид – любовник из числа ненасытных: куда ни пойдешь, что ни делай, всегда находилось другое, более интересное место.

Например, все это время мы были лишены представлений с участием Стремительной Эстрельиты, которой удалось наконец договориться с кабаре “Лидо” – театром варьете, который, по слухам, король Альфонс XIII подарил своей любовнице Кармен Морагас³⁴. Убранство и правда было королевским: алый бархат, обилие позолоты, сцена, обрамленная фигурами мифических животных. Иное впечатление производила теснившаяся в зале публика, перенявшая царящее на сцене бесстыдство. Женщины почти все были со спутниками, хотя и Вева могла сойти за мужчину на фоне некоторых поклонников Эстрельиты, встречавших ее двусмысленные куплеты аплодисментами и накрашенных чуть ли не ярче, чем сами актрисы. Я не знала, что и думать, и старалась не смотреть на них. Я впервые видела таких мужчин, и они меня завораживали, но стоило кому-то из них заметить мой интерес, как я заливалась краской.

Вева же прекрасно вписалась в компанию актрис, словно сошедших с рисунков Пенагоса³⁵, ее облик идеально гармонировал с ними. Я решила плыть по течению и не расстраивать подруг, зная, что если начну возмущаться, то потом непременно почувствую себя виноватой. Я одна казалась там неуместной, чужеродной, словно этот мир не желал меня принимать. Люди, окружавшие Веву, – артистки, модистки, горе-поэты, танцовщицы, пианисты, театральные режиссеры, нюхающие табак или кокаин, чтобы покрасоваться, – жили со скоростью, от которой у меня кружилась голова, вокруг клубы дыма и смех, вызванный замечаниями и шутками, которых я не понимала.

³⁴ Кармен Руис Морагас (1896–1936) – испанская актриса.

³⁵ Рафаэль де Пенагос Салабардо (1889–1954) – испанский художник, иллюстратор, автор плакатов в стиле ар-деко.

В один из таких вечеров, когда фривольные разговоры стали уже напоминать сточную канаву, Вева вдруг повела себя странно. Когда она вышла из туалета, рядом с ней внезапно возник какой-то мужчина, но Вева не отшатнулась, наоборот, и мне показалось, что они чем-то обменялись. Незнакомец поцеловал ей руку – возможно, чтобы отвлечь внимание, – и лишь потом Вева отошла от него, нахмурившись. Я настолько увлеклась, наблюдая за происходящим, что вздрогнула, когда ко мне обратилась Эстрельита:

– Я рассказала подругам, что ты хочешь работать в библиотеке.

Ее резкий голос вернул меня к действительности: свет, дым, музыка, топот. Две танцовщицы, похожие друг на друга как две капли воды, защебетали с сильным эстремадурским³⁶ акцентом:

– Как интересно!

– А я так и не научилась читать!

– В библиотеках работают волшебники! – Вторая девушка захихикала над шуткой своей подруги. – Там же нужно знать все книги наизусть?

– Достаточно уметь их классифицировать.

– Что я пропустила? – спросила Вева, возникая рядом.

– С тех пор как мы потеряли колонии, наш кордебалет не видел ничего экзотичнее библиотекаря, – вздохнула Эстрельита.

– Ну, кордебалет прав: библиотекари и правда волшебники, – со значением сказала Вева.

Танцовщицы встrepенулись, оправили перышки.

– Кто это был? – спросила я Веву.

– Какой-то приставала, – отмахнулась та и как ни в чем не бывало обратилась к подругам Эстрельиты: – Библиотекарю доступны все накопленные человечеством знания, он охраняет их. Он страж при книгах.

– Страж при книгах! – с детским восторгом воскликнула одна из девушек.

– Если угодно, я и сама могу стать книжным стражем, – заявила моя подруга.

Напоследок мы пошли в дансинг “Негреско” на проспекте Гран-Виа, где Вева до глубокой ночи отплясывала с эстремадурскими девицами, попутно разъясняя, что работа библиотекаря сродни священнодействию. Те смеялись и порхали вокруг нее, распустив перья, а меня изводило подозрение, что Вева солгала – тот человек не был обычным приставалой, он что-то передал ей, а руку поцеловал, чтобы отвлечь внимание.

– Не беспокойся, – доверительно шепнула мне Эстрельита, – она просто играет. До этих дурочек ей дела нет.

– Да мне все равно, – раздраженно ответила я.

– Ты напрасно ревнуешь, она хорошая девочка.

– Я не ревную, – отрезала я.

– Ну как скажешь, – рассмеялась Эстрельита.

Тут она оставила свои намеки, поскольку отвлеклась на вошедшего в дансинг человека. Изменившись в лице, словно узрела привидение, Эстрельита стала нервно поправлять волосы.

– Это он! Смотри, Тина, он собственной персоной.

– Кто? – растерянно спросила я.

– Альваро Ретана! Самый красивый писатель на свете! Он вернулся сюда!

При звуке этого имени танцевальный салон с его наэлектризованной атмосферой будто превратился в сцену, на которую триумфально вышел Ретана. Долгое время он был завсегда-таем “Негреско”, приходил в компании юношей, что красятся, как оперные примы, расточал комплименты певичкам фламенко и дамам в шелковых чулках со стрелками – они его обо-жали. Но после пребывания в Образцовой тюрьме за публичное оскорбление нравственности

³⁶ Эстремадура – исторический регион, ныне автономное сообщество на юго-западе Испании.

он запер свою мадридскую квартиру на улице Мануэля Сильвелы и переехал в Барселону, где зарабатывал на жизнь, рисуя эскизы одежды, и лишь изредка неожиданно появлялся в своих прежних владениях. Казалось, время не властно над ним. В ту пору Ретане было около сорока, хотя нельзя было дать и тридцати, а вел он себя как двадцатилетний. Все хотели на него посмотреть.

Ретана не обладал той несравненной красотой, которую себе приписывал, но элегантен он был вне всяких сомнений: черно-белые туфли, кожаные перчатки, идеально сидящий костюм, дополненный пурпурным шелковым платком. Со своими двумя спутниками он выглядел зеркальным отражением Вевы и ее лжеблизняшек. Было и еще кое-что примечательное: одним из спутников Ретаны был тот самый человек, что недавно перехватил Веву у туалета, вот и сейчас он пил, не сводя с нее глаз, а я неотрывно смотрела на него.

Когда Вева, отделавшись от эстремадурских танцовщиц, схватила меня за руку и притянула к себе, точно мужчина с порочными намерениями, я чуть не оттолкнула ее, но тут она шепнула:

- Так нужно.
- Хорошо, – пробормотала я, не в силах противостоять ее обаянию.
- Это Альваро Ретана. Не хочешь поговорить с ним?
- Но что я могу сказать?
- Я почему знаю... Это шанс узнать что-нибудь про Невидимую библиотеку.

Я искоса глянула на писателя, который прохаживался по залу, сияя улыбкой, словно кинозвезда. Что могла я сказать человеку, пишущему порнографические описания? Сама мысль о том, чтобы заговорить с ним, приводила меня в ужас. А Эстрельита уже всю кокетничала с ним.

– Тетя не просила меня найти автора эротических романов, она просила найти дам из “Лицеума”, а я даже не знаю, кто они, – сказала я.

Вева, не отпуская моей руки, с таинственным видом прошептала мне на ухо:

- Это я уже выяснила, – и поцеловала в щеку.

Я раскрыла глаза от удивления, а Вева с улыбкой упорхнула, явно довольная собой, вставила сигарету в мундштук и громко осведомилась, не найдется ли у кого-нибудь спичек.

Вева вернулась к этому разговору лишь почти две недели спустя. Как-то раз после занятий она потащила меня к остановке сорок пятого трамвая, на котором мы ездили в Женскую резиденцию, а когда мы вышли на улице Микеланджело, протянула мне вчетверо сложенный лист бумаги. Пока я его разворачивала, Вева ждала, выгнув бровь.

Ищи ключ от “Лицеума” в Женской резиденции, там, где книга невидима.

- Что это? – спросила я. – Откуда?
 - Разве ты не поняла? Ключ к дамам из “Лицеума”.
 - Разве они заседают в Женской резиденции?
 - Что за глупости! – Голос Вевы звучал торжественно. – Я долго думала над этой запиской, Тина. В ней сказано, что ключ к “Лицеуму” надо искать здесь. Вопрос, где именно.
 - Ну да, и где же?
 - Там, где книга невидима. А где она невидима?
 - Я задумалась на несколько секунд:
 - Не знаю. В каком-нибудь темном тоннеле.
 - Ответ приемлемый, но неверный. Здесь нет никаких тоннелей, здесь даже метро нет.
- Подумай еще, Тина.
- Я сдаюсь.

– В библиотеке! Книга невидима в библиотеке. Никто не видит там отдельных книг, все видят библиотеку.

Я не могла не признать, что это изящное решение загадки.

– Ключ от “Лицеума” здесь, в библиотеке Резиденции.

– Надеюсь, ты расскажешь мне, откуда у тебя эта записка, – буркнула я, возвращая листок.

Мы как раз подошли к двери читального зала. Вева, пребывавшая в радостном возбуждении, резко сникла.

– Я уже почти две недели каждый день ищу тут несчастный ключ. И ничего! Я даже начала просматривать книги, одну за другой, но ты знаешь, сколько здесь книг? Четырнадцать тысяч! А у меня всего две недели, чтобы найти его. – Вева обняла меня: – Ты должна мне помочь, Тина.

– Помогу, конечно, только давай обойдемся без драм, – ответила я, подталкивая ее вперед.

Теперь и меня охватил азарт. Я посмотрела на тянувшиеся вдоль стен полки. Никогда еще они не казались мне такими длинными.

– Не успеем, осталось всего две недели, – повторяла Вева.

– Надеюсь, ты мне потом объяснишь, почему именно две недели, но сейчас дай подумать. Итак, нам нужно найти невидимую книгу в библиотеке, но когда мы открываем книгу и начинаем читать, она перестает быть невидимой. Так что... – я ненадолго задумалась, – нам предстоит найти эту книгу, не глядя на нее.

Вева уставилась на меня так, будто я сказала невесть какую глупость.

– Это невозможно.

– Ярлычки! – почти вскрикнула я.

Кто-то сбоку шикнул на нас.

– Ярлычки? – переспросила Вева. – У этого слова есть какое-то неизвестное мне значение? Может, это зверьки вроде хорьков, способные найти иголку в стоге сена?

– Книжные ярлычки! Видишь наклейки на корешках, похожие на почтовые марки?

– Да уж заметила, – разочарованно усмехнулась Вева. – Библиотечные барышни пронумеровали все книги. Наверное, чтобы ничего не потерялось.

Пока она говорила, я изучала цифры на ярлыках.

– Это не просто номера, Вева. Это система классификации книг по темам.

Я рассказала, что в библиотеке Резиденции применяется новая система классификации, позаимствованная у американцев. Каждой книге присваивался номер от нуля до девяти в зависимости от темы. Внутри каждой темы разделы снова нумеровались от нуля до девяти и так далее. Эта система так поразила меня, что большую часть рождественских каникул, пока болела, я провела за ее изучением. Вева с трудом сдержала смех:

– То есть ты на каникулах учила то, что нам не задавали?

– Не нужно перебирать четырнадцать тысяч томов, достаточно взглянуть на корешки. Цифры на ярлыках рассказывают, о чем книга. У невидимой книги наверняка нет ярлыка, или он пустой. Потому она и невидима.

Остаток дня мы бродили вдоль полок, вглядываясь в корешки, – работа кропотливая, но, без сомнения, попроще, чем просматривать каждую книгу. В голове моей теснились волнующие образы. Что за книга-подкидыш откроет мне дверь в обещанный тетей Лолитой мир? Мы с Вевой для эффективности разделились, но она постоянно подходила ко мне с растерянным выражением на лице.

– Тина, я не вижу ничего необычного. Может, надо мной подшутили.

Никогда еще я не видела ее столь подавленной.

– Мы не просмотрели и половины полок. Ищи дальше.

Думаю, что Вева тоже не видела меня настроенной столь решительно, так что она просто пожала плечами. Но, прежде чем продолжить, она предложила передохнуть, а заодно поведать за сигареткой, откуда взялась таинственная записка.

С того момента, как Вева поняла, что я на нее сердита, она вознамерилась вернуть мое расположение, и ей в голову не пришло ничего лучше, чем найти Невидимую библиотеку. История, рассказанная тетей Лолитой, поразила ее, к тому же Вева боялась, что я не отважусь на поиски членов “Лицеума”. У нее созрел идеальный план: она найдет путь в Невидимую библиотеку, и это восстановит нашу дружбу.

Вева решила сосредоточиться на персонажах, упомянутых моей тетей. Она отбросила Глупца, Лунного Луча и одноглазого, потому что не знала, кто скрывается за этими прозвищами. Архитектор казался ей недоступным. Об Альваро Ретане она знала от Эстрельиты, что он уехал в Барселону, и, разумеется, не могла предположить, что вскоре столкнется с ним в мадридском кабаре. Оставались Сойла Аскасибар и ее ученик.

Типография Сойлы Аскасибар, носившая имя владелицы, рекламировалась в газетах, так что найти ее адрес – дом шестьдесят пять на улице Мартин-де-лос-Эрос в Мадриде – не составляло труда. Вева дошла от дома до типографии минут за двадцать, расположилась напротив и стала дожидаться окончания рабочего дня. Руки у нее заledenели от холода, зато внутри все так и горело. Время еле ползло, и она засомневалась. Что она скажет? Как к ней отнесутся – все-рез или сочтут сумасшедшей? Что за характер у женщины, которая руководит типографией?

Из здания потянулись работники, их было человек сорок, не меньше, Вева даже растерялась: ей предстоит разговор с сеньорой, под началом которой работают десятки мужчин. Она уже собиралась развернуться и уйти, когда из дверей типографии вышла темноволосая женщина с резкими чертами лица, ее сопровождал молодой человек, он казался ненамного старше Вевы. Они оживленно разговаривали. На Сойле Аскасибар был рабочий халат, она выглядела спокойной, будто болтала с ребенком. Молодой человек почтительно попрощался, Сойла вернулась в здание, а он перешел на другую сторону улицы – ту, где стояла Вева.

Вева без колебаний последовала за ним. Она припомнила мой рассказ про вечер в доме поэта Вильялона и решила, что юнец – ученик сеньоры Аскасибар, только в рабочем комбинезоне и ненакрашенный. В любом случае парень лет двадцати с небольшим и стройный, как тореро, показался ей куда более доступным собеседником, чем успешная деловая сеньора. К несчастью, на площади Соль Вева потеряла его из виду – он перебежал улицу перед трамваем, так что она не успела найти повод заговорить.

И все же в тот вечер судьба была на ее стороне. Вева частенько присоединялась к Эстрельите и ее подругам, певицам и хористкам, которые стайкой нарядных пташек перепархивали из одного ночного заведения в другое. В одном из дансингов их вовлекли в свой круг умопомрачительно элегантные молодые мужчины, все как один с подведенными глазами. Узнав в одном из них подопечного Сойлы Аскасибар, Вева, умевшая обескуражить кого угодно своим напором, немедленно подхватила его под руку. Эстрельита глазам своим не поверила.

– Привет!

– Привет, – улыбнулся тот.

– Хочу спросить про “Лицеум”, сдастся мне, ты что-то знаешь.

С лица молодого человека тотчас слетела вся беззаботность, он отпил вина и равнодушно произнес:

– Ты ошиблась. В “Лицеуме” состоят только женщины.

Ничуть не смутившись, Вева приблизила губы к его уху и прошептала по слогам:

– Не-ви-ди-ма-я биб-ли-о-те-ка.

Молодой человек побледнел. Веве даже сделалось жаль его, такой у него был растерянный вид.

– Что тебе нужно?

– Попасть внутрь.

– Это тебя разукрасили за то, что суешь нос куда не надо?

На лице у Вева еще виднелись следы после драки с родственником.

– Видел бы ты, как ему досталось...

– Ты, похоже, не понимаешь, о чем говоришь. Впрочем, я понятия не имею, как тебе туда попасть.

– Но ты мог бы выяснить.

– Даже не представляю, зачем мне это.

– Затем, что я заинтересована в этом деле больше всех.

И Вева упорхнула прочь, не зная, попали ли ее слова в цель.

– Главное, как следует разыграть таинственность, не раскрыть свои карты, – пояснила она мне, – поэтому никогда не знаешь, выгорело дело или нет.

Я была поражена, мне и в голову не пришло бы, что Вева способна на нечто подобное за моей спиной. Я краснела при одной мысли о необходимости самой искать такого рода подсказки, чтобы исполнить данное тете Лолите обещание. Вева же признавала, что ей хотелось подготовить сюрприз к нашей встрече, но еще она страстно желала, чтобы эта история распахнула для нее двери в таинственный мир.

На следующий день ученик Сойлы Аскасибар появился в “Негреско” в сопровождении загадочного сеньора в полосатом костюме. Незнакомца Вева проигнорировала и принялась дразнить юного полиграфиста за его женственную наружность. Тот отвечал на ее шутки с подчеркнутой учтивостью. Сеньор в полосатом костюме наблюдал за ними с абсолютной бесстрастностью. Полиграфист назвал свое имя – Себастьян, а Вева в ответ сказала:

– Хеновева Вильяр, будущий библиотекарь.

– Тебе нужно заняться писательством. Ты прекрасно врешь, а значит, прекрасно рассказываешь, – заметил тот.

– На этот поезд я уже опоздала.

Наконец загадочный сеньор нарушил свое молчание и представился как Лунный Луч. Вева, которой этот псевдоним показался самым смешным во всей тетиной истории, едва не задохнулась от изумления.

– Мне сказали, ты что-то знаешь о Невидимой библиотеке. – Его тихий голос звучал ласково.

– Я знаю, что туда можно попасть через “Лицеум”.

Лунный Луч и Себастьян рассмеялись.

– Можно и так, разумеется, – согласился Лунный Луч.

Затем он рассказал Вева историю предыдущей Невидимой библиотеки – тайного общества XIX века, защищавшего произведения, которым грозила опасность. Члены общества брали в качестве имени название первой спасенной книги. Возможно, Невидимая библиотека выросла из тайных обществ книготорговцев, распространявших книги, запрещенные церковью, и скрывавшихся от инквизиции. А возможно, это была не столь древняя организация и за ней стоят книготорговец Антонио де Мийяр и знаменитый разбойник Луис Канделас, который тоже торговал книгами, прежде чем податься в разбойники.

– Правда это или нет, – улыбнулся Лунный Луч, – но и Антонио де Мийяра, и Луиса Канделаса казнили, хотя ни тот ни другой не были повинны в убийствах. Прошли годы, их истории превратились в легенды, но Невидимая библиотека возродилась. И во времена цензуры, как сейчас, ее членам грозит серьезная опасность.

Лунный Луч не сказал, что идея возродить библиотеку принадлежала ему и появилась она во время легкомысленной светской беседы.

– Я понимаю. – Вева не знала, говорит ли ее собеседник всерьез или просто пытается напугать ее.

– Сначала тебя испытают. Если справишься с заданием за месяц, добро пожаловать.

Вот тут Вева растерялась. Лунный Луч и Себастьян собрались уже уходить, когда она догадалась спросить:

– А что мне делать до тех пор?

– Внимательно наблюдать за тем, что происходит вокруг.

Вева почувствовала, что оба слегка усмехнулись на прощанье.

В течение следующих недель, которые показались бы Веве месяцами, если бы не возобновившиеся занятия в университете и не наше с ней примирение, ничего не происходило. В тот вечер, когда Вева и Себастьян снова встретились, тот, целуя ей руку, передал записку с таинственной подсказкой.

– Я хотела сделать тебе сюрприз, но, похоже, получилось так себе, – грустно завершила свой рассказ Вева.

Итак, нам предстояло справиться с испытанием. Моя подруга приложила слишком много усилий, чтобы взять все и бросить. Мы снова принялись изучать стеллажи, и примерно через час я обнаружила томик формата ин-октаво³⁷ без ярлыка, ошибочно помещенный в раздел медицины и втиснутый между двумя экземплярами “Руководства по психиатрии” Блейлера. Оказалось, это роман Альваро Ретаны “Лунный луч”.

Простое совпадение исключалось. Книга Ретаны не только была неуместна в библиотеке Женской резиденции, ее написал один член Невидимой библиотеки, а называлась она именем другого. С замиранием сердца я взяла книжку. На простой белой обложке профиль девушки с закрытыми глазами. Ничего лишнего. Совершенство.

Я помахала Веве, сосредоточенно изучавшей полку у противоположной стены, и она, едва не упав, кинулась ко мне:

– Что-то нашла?!

– Вот.

Увидев книгу, Вева прошептала ее название, “Лунный луч”, словно имя любимого святого.

– Не может быть! Где она была?

– Между этими двумя томами. Не знаю, что делать дальше. Может, отдать заведующей библиотекой?

– Ты что! Оставим себе.

– Тебе сказали найти книгу, а не украсть. Нельзя воровать книги из библиотеки. Иначе ты обкрадываешь каждого читателя, который их не прочитает.

Вева принялась настаивать, повысила голос, и какая-то брюнетка сердито шикнула в нашу сторону.

Мы перетягивали книжку Ретаны, пока из нее не выскользнула на пол визитная карточка. Только тогда Вева разжала пальцы и подняла картонку.

Мария де Маэсту³⁸

“Лицеум”. Женский клуб

³⁷ Ин-октаво – книжный формат, обозначающий размер страницы, равный одной восьмой части стандартного бумажного листа, который складывается трижды, давая в итоге 16 страниц на одном листе бумаги (8 с каждой стороны). В таком формате Гутенберг впервые напечатал брошюру “Турецкий календарь” в 1454 г., затем в нем стали печататься дешевые Библии с иллюстрациями, сейчас это один из самых распространенных книжных форматов.

³⁸ Мария де Маэсту Уитни (1881–1948) – испанский педагог и теоретик педагогики, директор Женской резиденции. После начала гражданской войны в Испании эмигрировала в Аргентину.

– Видишь? – сказала я. – Вот мы и нашли то, что искали. А теперь пойдем к заведующей библиотекой.

Вева нахмурилась, но молча последовала за мной. Сеньорита Хилл, перебиравшая карточки выданных на руки изданий, при виде книги Ретаны побледнела и не могла успокоиться, пока не убрала ее в ящик стола.

– Где вы ее нашли?

– В разделе психиатрии. Мне показалось, она не должна там стоять.

Сеньорита Хилл закатила глаза и покачала головой:

– Нет, конечно, не должна. – И со вздохом добавила: – Наверное, кто-то пошутил.

– И когда же мы увидим Марию де Маэсту? – поинтересовалась Вева у меня из-за спины.

– Директора? – удивленно переспросила сеньорита Хилл.

– Ну да, директора, начальницу или кто там она...

– Мария обычно чрезвычайно занята. У вас назначена встреча?

– Нет, но у нас есть ее визитная карточка.

Вева предъявила карточку, словно пропуск, открывавший все двери. Библиотекарь едва взглянула, ненадолго задумалась, затем встала:

– Пойдемте. Я познакомлю вас с Эулалией, секретаршей сеньоры де Маэсту. Вам повезло, Мария часто в отъезде или исполняет свои многочисленные обязанности, но сегодня она здесь.

Мы последовали за сеньоритой Хилл на некотором расстоянии, у Вевы на лице было написано недоумение:

– Что происходит? – спросила она шепотом.

– Мария де Маэсту – директор Женской резиденции.

– Но на карточке написано...

– Скоро узнаем.

Марию де Маэсту прозвали Храброй, и я сразу поняла почему. Она взглянула на Веву пристально, как человек, привыкший преодолевать сопротивление тех, кто считает свое слово истиной в последней инстанции; ее голос, сдержанный и твердый, удивительно гармонировал с монастырским покоем библиотеки.

– Отчего вы торопитесь вступить в “Лицеум”?

– Вот отчего. – Вева протянула карточку, найденную в книге.

– Полагаю, – улыбнулась де Маэсту, – вы немного опоздали.

– Этого не может быть! Мне дали месяц.

Мария холодно улыбнулась:

– Я хотела сказать, что оставила руководство “Лицеумом” больше года назад. Трудно везде поспеть. Председательница клуба сейчас Исабель Ойярсабаль³⁹.

– Но у нас ваша карточка, – не отступала Вева.

– Моя подруга имеет в виду, – вмешалась я, пнув Веву под столом, – что, возможно, вы могли бы помочь нам попасть в “Лицеум”.

Мария де Маэсту на мгновение задумалась.

– По правде говоря, библиотекарь обратила мое внимание на книги, которые заказывали недавно две девушки. Судя по их выбору, это любознательные и целеустремленные особы. – Мария помолчала, внимательно глядя на нас. – Да, несмотря на молодость, вы, пожалуй, могли бы войти в “Лицеум”.

– Потому что “Лицеум” – это... – Вева не знала, как продолжить.

³⁹ Исабель де Ойярсабаль Смит (1878–1974) – испанская писательница, журналистка, переводчица, издательница первого испанского женского журнала. В 1939 г. эмигрировала в США, позже в Мексику.

- Это как “Атеней”⁴⁰, но там меньше усатых мужчин и больше любознательных женщин.
– А библиотека, то есть я хочу сказать, не...

Мария де Маэсту не заметила, что я наградила Вева еще одним пинком, но живо откликнулась:

– Библиотека в “Лицеуме” великолепная. Не очень большая, но тщательно подобранная. Каталогизацией фондов занималась Мария Баэса.

Вева уверенно кивнула, словно знала, о ком идет речь. Давая понять, что разговор окончен, де Маэсту встала, на лице ее была загадочная улыбка.

– Если у вас нет больше вопросов, то говорить больше не о чем. Я поспособствую тому, чтобы вас записали, если вам, конечно, уже исполнилось девятнадцать лет.

– Да-да, исполнилось!

Вева соврала, нам обеим оставалось еще несколько месяцев до девятнадцатого дня рождения, но я не стала уличать ее во лжи.

– Итак, она директор Женской резиденции! – сказала я, как только мы очутились в коридоре.

– Да, и она пригласила нас в свой дамский клуб. И что дальше?

Вева полагала, что Мария де Маэсту покажет нам вход в Невидимую библиотеку, и теперь явно была разочарована. Но я чувствовала удовлетворение. По крайней мере, мы добрались до “Лицеума”, и я немного приблизилась к выполнению своего обещания, данного любимой тете. Мир казался мне прекрасным.

– Когда мы туда пойдем?

Вева пожала плечами и показала обратную сторону карточки:

– Вот адрес.

Радость мгновенно улетучилась, когда я прочитала:

Дом с семью трубами
улица Инфанта, 31
Мадрид

Словно призрак Елены передал мне послание. Быть может, Елена, принадлежащая миру духов, знает то, что я пока не могу понять.

Тайной страстью тети Паки были торговые галереи коммерческого общества “Мадрид – Париж”. Если бы она не носила траур постоянно, то точно облачилась бы в него, когда несколько лет спустя великолепное здание во французском стиле превратилось в универмаг испанского общества “Все по одной цене”, что она сочла верхом пошлости. Если бы тетя Пака была жива, она до сих пор вспоминала бы это событие с горечью: до самой своей смерти она бледнела и порывалась перекреститься, едва речь заходила об универмаге.

Но в те времена пятиэтажные торговые галереи, к которым тетя питала столь недостойную слабость, переживали расцвет, и если она не знала, как подступиться к той или иной проблеме, то всегда находила там прибежище. Например, когда я стала расспрашивать ее про Дом с семью трубами. Поначалу тетя то ли сделала вид, что не слышит меня, то ли решила не обращать внимания, но я не сдавалась, так что пришлось пойти с ней в “Мадрид – Париж” и несколько часов смотреть, как она щупает кружева и примеряет перчатки, не собираясь ничего покупать. Тетя отважилась заговорить, лишь заказав две чашечки горячего шоколада в чайном салоне на последнем этаже галереи. И только тогда, задоблив меня сладким, призналась:

– Ну да, я рассказала тебе легенду про призрак Елены, чтобы ты туда не совалась.

⁴⁰ “Атеней” – мадридский художественный, научный и литературный клуб, по преимуществу мужской, основанный в 1835 г. и считавшийся центром либералов.

Тетя Пака, мастерица манипулировать людьми, считала, что дамы из “Лицеума” – неподходящая компания для впечатлительной юной особы. Хотя женский клуб “Лицеум” был всего лишь местом, где общались сеньоры с интеллектуальными устремлениями, в тетиним понимании там гибла женская добродетель. Тетя воображала себе сходку заговорщиц, задумавших извести со свету мужчин. Несмотря на мои заверения – теперь-то я имела представление о “Лицеуме”, – что на собрания приглашают и мужчин, тетя Пака продолжала с негодованием именовать его участниц “мужиками в юбках”.

– А дальше что? Будут лекции читать, а мужчин отправят полы мыть? – вопрошала она.

– Тетя, речь лишь о том, чтобы у всех были равные права!

– Послушай, деточка, одно дело – отец отправил тебя учиться, чтобы ты не стала игрушкой в руках мужчин и не повторила семейную историю, и совсем другое – связываться с масонками. Масонство, как говорил мой Фортунато, – это мужское занятие.

– Какую семейную историю, тетя? – перебила я.

– Вижу, отец ничего тебе не рассказывал...

И она поведала мне о семейном проклятии. Все Вальехо де Мена, начиная с самого первого, что был наместником его католического величества в Новой Гранаде⁴¹, обладали даром наживать состояние с поразительной легкостью. Но за быстрым обогащением вскоре следовало быстрое разорение, связанное с амурными похождениями, пристрастием к карточной игре или другими пороками. Так на протяжении поколений они создавали финансовые империи и лишались дворянских титулов, собирали земельные владения, равные целой провинции, и вновь теряли их, проиграв в карты, проспорив или уступив в вооруженной стычке.

– Мой отец не составил исключения. Он был зяблым игроком и любителем женщин с плохой репутацией и, прежде чем спиться, спустил практически все свое наследство, кроме дома и земель, которые на первый взгляд ничего не стоили. Мама без практики даже читать разучилась. В детстве-то ее научили, но последний раз она читала лет в десять, и ее убедили продать дом за сущие гроши. Твой отец был ее любимцем, и когда мама... – тетя Пака помолчала, – умерла от горя, он так и не оправился и во всех бедах стал винить невежество. К тому времени я уже вышла замуж за бедного Фортунато, царствие ему небесное, другие братья предпочли жизнь без финансовых забот, связав себя с армией или церковью. А твой отец вступил во владение иссохшей землей и решил во что бы то ни стало получить из нее хорошее вино. И добился своего. Потом женился на твоей матери, потому что она была богатой наследницей, но, думаю, любил он другую. Я знаю, хотя он никогда этого не говорил. В день твоих крестин он признался, что несчастен, поскольку привел в мир еще одну обреченную на страдания женщину, но не допустит, чтобы тебя обманули, как нашу мать, поэтому он всегда хотел, чтобы ты училась, как и твои братья. Твоей учебе я не противилась – что я понимаю в современной жизни! – но хотела избежать твоего общения с этими масонками из “Лицеума”, и так уже приходится терпеть их соседство. Поскольку я заметила, что ты боишься моих спиритических сеансов, уж прости, не могла не воспользоваться.

Я с трудом могла усвоить такой поток новостей. Что папа не любит маму, я всегда знала. И даже подозревала, что ее строгость, одержимость собственным совершенством, стройностью, утонченностью рождались из необходимости понравиться дону Рафаэлю, красивому и замкнутому мужчине, который никогда не смотрел на нее так же, как на своих детей, автомобиль или лошадей. В то же время папа никогда не давал повода думать, что он любит другую. И хотя я мало о нем знала, по правде говоря, была уверена, что он никогда не заведет отношений ни с кем, кроме супруги. Но мама ощущала, что ее предали в самых глубоких чувствах, лишив даже морального права отводить душу упреками. Но шоколад в моей чашке показался мне горьким при мысли, что папа, оказывается, разрешил мне учиться только из-за семейной

⁴¹ То есть на территории современной Колумбии.

истории, которую никогда мне не рассказывал. Я задавалась вопросом, отчего все эти годы не виделась с тетей Пакой. Потому что она знала папин секрет, или потому что папа узнал, что Фортунато был масоном, или просто потому что тетя Пака жила далеко, или была еще какая-то тайная причина? И я вдруг осознала, что разрешение жить у тети – своеобразный жест примирения со стороны папы.

– Тетя, я все равно собираюсь сходить в “Лицеум” на какую-нибудь лекцию, – сказала я.

– Разве я могу тебе запретить! Но я тебя предупредила.

Прошло несколько месяцев, прежде чем я исполнила обещание, данное тете Лолите, – возможно, без Вевы я бы вообще никогда не справилась. А разгадка всегда была рядом – я каждый день смотрела на нее с балкона.

– Значит, история с призраком Елены была всего лишь уловкой?

– Нет, милая, это все правда. Просто зачем бы я стала пугать тебя, если бы не эти ужасные женщины.

Я была настроена решительно, и все же меня опять пробрала дрожь.

Глава 4

Без кровопролития

Февраль 1931 года

Про мадридский клуб “Лицеум” ходило множество слухов – он, мол, содержится на еврейские деньги, там собираются женщины, которые любят других женщин, это место встреч жен и матерей, презревших свои семейные обязанности. Он, мол, принадлежит извратившей учение масонской ложе, принимающей женщин, а то и вовсе всех без разбору. Последнее утверждение было отчасти правдой. В клубе имелись свои правила, но ни одно из них не касалось религии или идеологии претендентки. Для спокойствия в клубе разговоры о религии и политике были запрещены. Благодаря этому католички, привлеченные благотворительной и образовательной работой “Лицеума”, могли вступать в него, не опасаясь оскорблений со стороны протестанток или англиканок, стоявших у истоков клуба.

В условленный день, прежде чем пойти в “Лицеум”, мы с Вевой выпили по чашке шоколада в малой гостиной, предназначенной для тетиных спиритических сеансов, и поклялись друг другу в вечной дружбе вроде той, что подвергалась гонениям со стороны завистливых античных богов, имевших обыкновение посылать людей катать камни в гору или отдавать на растерзание голодным орлам. Нас переполняло воодушевление.

– Мы состаримся вместе, – заявила Вева. – Обещай.

– Обещаю.

– И никогда не позволим ни одному мужчине помешать этому.

– Точно.

– Я никогда не выйду замуж. Все мужчины в конце концов притесняют своих жен и не дают им раскрыть свои таланты. Но у нас с тобой будет по-другому. Мы превратимся с годами в толстых и счастливых старух, у которых не будет всех этих проблем, связанных с мужчинами.

И мы заключили пакт, казавшийся нерушимым в тот давний день.

Я соврала бы, сказав, что не дрогнула на пороге Дома с семью трубами или что в дальних углах мне не мерещился призрак босой Елены, но гостеприимная атмосфера и ощущение душевного родства рассеяли все опасения. Нас с Вевой с первого дня приняли там как сестер.

Мария де Маэсту вышла нам навстречу. Она сообщила, что для вступления в клуб необходима рекомендация трех членов, но она позаботилась о том, чтобы преодолеть это препятствие. И без промедления представила нас женщинам, сидевшим в дальнем уголке чайного салона, – Марии Лехарраге, которую Мария де Маэсту рекомендовала как “выдающегося драматурга”, и Сенобии Кампруби⁴². Первая была меланхоличной брюнеткой с большими глазами, а вторая – энергичной блондинкой, похожей на иностранку.

Они и поручились за нас с Вевой и лишь много лет спустя признали, что наш истинный возраст не составлял для них тайны. Любопытно, что именно Сенобия Кампруби и Мария Лехаррага – женщины, жившие в тени своих мужей, – дали нам рекомендации в тот день, когда мы с Вевой поклялись не вступать в брак, чтобы избежать такой судьбы. Сенобия Кампруби была замужем за Хуаном Рамоном Хименесом, а про Марию Лехаррагу говорили, что

⁴² Мария де ла О Лехаррага Гарсиа (1874–1974) – испанская писательница и политик. После начала гражданской войны в Испании была командирована республиканским правительством в Швейцарию, позже эмигрировала во Францию, затем в Аргентину. В 1900–1922 гг. была замужем за драматургом и театральным режиссером Грегорио Мартинесом Сьеррой, в соавторстве с которым были созданы многочисленные произведения, подписанные, однако, только именем мужа. Сенобия Кампруби Аймар (1887–1956) – испанская писательница, переводчица, преподавательница. В конце испанской гражданской войны эмигрировала и жила в разных странах Америки. С 1916 г. была замужем за поэтом Хуаном Рамоном Хименесом, будущим лауреатом Нобелевской премии по литературе (1956), для которого стала не только музой, но и редактором, администратором и шофером.

она является настоящим автором знаменитых театральных пьес своего мужа, Грегорио Мартинеса Сьерры.

Знакомство с клубом началось с чайного салона: лакированные стулья, покрытые скатертями столы и гул разговоров на английском и на испанском. Вева спросила про библиотеку. Моя подруга казалась спокойной, словно попасть в “Лицеум” не стоило ей труда.

– Я не хотела, чтобы наши поступки были затуманены спешкой, – признавалась она позже.

В сравнении с библиотекой Женской резиденции библиотека “Лицеума” (три или четыре тысячи томов) казалась крошечной, но здесь, в отличие от шумной гостиной, царила тишина, пахло мебельным лаком и чистотой. Несколько женщин читали и писали за столами. Вева сразу влюбилась в библиотеку, в которой женщинам позволялось творить. Она спросила про ближайшие лекции, ей ответили, что скоро состоится цикл про евгенику.

– Мы стараемся не затрагивать темы, вызывающие политические дискуссии, – сказала Сенобия Кампруби, – но иногда это невозможно, если они напрямую касаются женщин, ведь наша главная задача – улучшить положение женщины. Собственно говоря, мы переводим и издаем феминистские тексты.

– А что за темы?

– Та же евгеника или развод.

Эти слова убили бы тетю Паку прямо на месте, но Сенобия произнесла их как ни в чем не бывало. Она смотрела пристально, словно ожидая моей реакции, но при мысли о тете Паке я впала в ступор. Я задумалась о судьбе переведенных и изданных здесь книг – не окажутся ли в итоге некоторые из них в Невидимой библиотеке? Вева как раз заметила среди присутствующих издательницу Сойлу Аскасибар. У той в руках был сверток в газетной бумаге, который она передала девушке в зеленом платье. Девушка приняла его с таинственным видом, и это, кажется, развеселило издательницу, направившуюся затем в нашу сторону. Беззаботной походкой Сойла напоминала птичку, а когда она проходила рядом, я уловила аромат мандаринов. Я настолько увлеклась загадочным свертком, что не заметила, как мои спутницы ушли дальше, и вздрогнула, когда Вева тронула меня за руку:

– Ты что, хочешь назначить Сойле свидание? – спросила она.

Вместо ответа я нахмурилась. Когда я вновь попыталась отыскать женщину, благоухающую мандаринами, она уже ушла, но мне показалось, что краешком глаза я различила белую тень, указывающую куда-то рукой. Стоило мне повернуть голову, как призрак Елены исчез.

Обойдя клуб, мы вернулись в чайный салон, и Мария Лехаррага рассказала, что скоро все изменится, потому что они переедут в другое здание, и познакомила нас с Ильдегарт и ее матерью Ауророй. Ильдегарт Родригес Карбальейре⁴³ было лет шестнадцать, не больше, и она определенно была самой молодой в “Лицеуме”. Несмотря на юный возраст, ее приняли в клуб специальным решением совета. Она стала известна как уникальный вундеркинд, успела получить несколько университетских степеней и опубликовать работы о положении трудящихся и о контроле рождаемости. На нее смотрели с восхищением, а некоторые и с ужасом – ее деятельность была связана с политикой и сексуальным просвещением. Ильдегарт подошла к нам первой, чтобы пожать руки, и сразу произвела на нас с Вевой странное впечатление. Ее неприужденность показалась ненатуральной. Мать озадачила еще больше.

– Я родила и воспитала Ильдегарт как женщину будущего, *механическую Венеру* Хосе Диаса Фернандеса⁴⁴, – объявила она, словно отчитывалась об успешной сборке какого-то механизма. – Ее предназначение – радикально изменить жизнь всех женщин.

⁴³ Ильдегарт Родригес Карбальейра (1914–1933) – испанская общественная деятельница и журналистка.

⁴⁴ Хосе Диас Фернандес (1898–1941) – испанский писатель, журналист и политик. В 1939 г. эмигрировал во Францию. “Механическая Венера” – его роман 1929 г.

Наши поручительницы оставили нас с этой парочкой, немедленно доказавшей, что материнская гордость была скорее самодовольством и дочь казалась матери недостаточно примерной, поскольку они принялись спорить, стоит ли отстаивать права женщин отдельно от прав трудящихся.

– Дочка, ты отравлена марксизмом, – заявила донья Аурора так категорично, что нам стало не по себе.

– Мама, не забывай, что в “Лицеуме” нельзя говорить о политике. – Похоже, Ильдегарт забавлялась, пресекая попытки родительницы навести порядок в ее взглядах.

– Нельзя, когда им это выгодно, потому что во время восстания республиканцев в Хаке они еще как говорили и даже директивы издавали.

Мне с трудом верилось, что социальное недовольство и политические дразги могли проникнуть в это мирное место. Но если призраки могли пройти сквозь стены, почему было не просочиться и тому миру, от которого мы пытались отгородиться при помощи нашей дружбы, сметающей все, как огонь?

Помимо прочего, нас с Вевой объединяло отсутствие интереса к реальности, и мы умудрились не заметить постоянных протестов на улице Сан-Бернардо, особенно активных на юридическом факультете. Мы попросту ничего не хотели видеть, садились на велосипеды и укатывали прочь или сбегали со стихийных собраний в кафе. События происходили по ту сторону ленты, которой мы завязали себе глаза, этому помогали и газеты, замалчивавшие сообщения о возмущениях, беспорядках и гибели протестующих.

12 декабря 1930 года Хака стала ареной республиканского выступления⁴⁵, но Вева тогда была озабочена поиском мастерицы, которая выщиплет мне брови. Было очень и очень вероятно, что отец уже что-то знал и предвидел итоги этого страстного и яростного бунта, который легко подавили.

Но поражение не было полным, потому что восстание породило символы протеста, способные потеснить власть короля Альфонса XIII, – капитана Фермина Галана Родригеса и капитана Анхеля Гарсиа Эрнандеса. Даже в “Лицеуме” возникло движение против их казни, как нам указала донья Аурора. В присутствии доньи Ауроры и ее дочери меня накрыл стыд от того, что я даже не поинтересовалась происходящим, хотя слышала разговоры в пансионе. Дон Габриэль и дон Херманико называли капитана Галана Родригеса и капитана Гарсиа Эрнандеса предателями, однако не могли договориться, какие меры к ним применить. Дон Херманико требовал смертной казни. Дон Габриэль проявлял большую сдержанность, полагая, что столь суровый приговор, противоречащий настроениям в народе, может в будущем стоить королю трона.

Оба капитана были расстреляны в воскресенье 14 декабря. В то утро я видела, как Карлос обнимает Ангустиас.

– Что же теперь будет? – всхлипывала та.

– Уже ничего не остановить, – цедил Карлос. – Беренгер⁴⁶ обещал нам демократию и вот что дал. Ему придется уйти.

– А королю?

– Королю тоже, с кровопролитием или без него.

По тону Карлоса было понятно, что скорее с кровопролитием. Я же ощутила лишь негодование. Они преувеличивают, сказала я себе. Мир прекрасен и полон радости, никто не ста-

⁴⁵ В 1930 г. лидеры республиканских партий Испании готовились свергнуть монархию. 12 декабря 1930 г. испанские военные Фермин Галан Родригес и Анхель Гарсиа Эрнандес, не предупрежденные о переносе даты переворота на более поздний срок, подняли восстание в арагонском городе Хаке. Их отряд был разгромлен, а сами они расстреляны 14 декабря 1930 г.

⁴⁶ Дамасо Беренгер Фусте (1873–1953) – испанский военный и политик, глава испанского правительства в 1930–1931 гг.

нет его рушить из-за двух убитых. Из гостиной доносился голос дон Херманико, и, казалось, он подтверждает мою правоту:

– Но, Габриэль, какая глупость! В Арденнах Жоффри ошибся! Разве человеку в здравом уме придет в голову, что он может превзойти германцев?

Но однажды вечером в кабаре “Ле Кок” я нос к носу столкнулась с доказательством, что перемены не где-то там, а окружают меня со всех сторон, – в тот вечер Эстрельита объявила, что отныне она анархо-коммунистка. Вева шутливо поинтересовалась, в кого же она влюбилась, иначе откуда у нее такие мысли.

– Разве у современной девушки не может быть собственных идей? – вскинулась Эстрельита. – Вы думаете, политика – исключительно мужское дело?

– Мужское, – кивнула я, вспомнив надменных усатых сеньоров, составлявших большинство политиков.

– И это неправильно! – объявила Эстрельита. – Нам есть что сказать, потому что решения политиков затрагивают и нас тоже!

Она с гордостью добавила, что занялась сочинением революционных куплетов. Вева сказала, что вот их-то точно запретят.

Почти ежедневно происходили беспорядки и акции протеста, студенты выходили на улицы, требуя отречения короля, но в тот вечер эта сторона жизни впервые проникла в наши разговоры. Эстрельита отозвалась на изменения, которых мы не хотели замечать и в которых, как неустанно твердила Ильдегарт Родригес Карбалейра, должен участвовать каждый, кто способен встать с кровати.

Невидимую библиотеку в “Лицеуме” никто не упоминал, и мы не знали, уместно ли расспрашивать. Казалось, даже сама Мария де Маэсту ничего о ней не знает. Кроме того, нас очень занимало содержимое свертка Соилы Аскасибар.

– Видимо, нас снова испытывают, – решила Вева. – Не может быть, чтобы все в “Лицеуме” были членами Невидимой библиотеки, но не может быть и того, что никто здесь о ней не слышал. Как знать, не должны ли мы открыть еще одну дверь.

Я не призналась, что меня одолевают сомнения, справились ли мы с испытанием. Не добавляла уверенности и мысль, что предыдущий экзамен мог оказаться насмешкой. В ту ночь мне не суждено было заснуть от беспокойства, не провалилась ли я в самый ответственный момент. Невидимая библиотека не в последний раз лишала меня сна.

Я написала тете Лолите о “Лицеуме” в уверенности, что она поймет, что для меня значит это место, но и с надеждой, что она подскажет мне, состоялось ли уже второе испытание и удалось ли нам с Вевой его преодолеть. Я не отваживалась спросить прямо, не зная, могу ли затрагивать в письме столь секретную тему, а также стыдясь возможной неудачи. Должна была существовать связь между клубом “Лицеум” и Невидимой библиотекой, но если все дамы из “Лицеума” имели отношение к библиотеке, наше первое посещение, возможно, и стало испытанием, в котором мы явно не блеснули.

Тетя в своем ответе не коснулась Невидимой библиотеки даже намеком. Она писала о своей работе с неграмотными женщинами и обездоленными детьми, и я все больше страшилась, что разочаровала ее.

И все же письма к тете всегда были искреннее и глубже любых моих посланий, адресованных Фелипе. Я с трудом находила слова для него, в каждой фразе с очевидностью угадывалась моя скованность, которая возрастала, стоило мне взглянуть на гранат, блестящий у меня на пальце. Я не смогла бы рассказать ему, что Вева сблизилась с сапфическим кружком Викторины Дуран⁴⁷.

⁴⁷ Викторина Дуран Себриан (1899–1993) – испанская художница, декоратор, дизайнер, театральный режиссер и педагог.

Викторина Дуран, выдающаяся театральная художница, была образованна, изобретательна и не скрывала своей особенности. Такая храбрость восхищала Веву, которая с некоторым ехидством признавала, что находит забавным совпадение имени собственного отца и сеньоры Дуран. Меня беспокоило знакомство Вевы с подобной женщиной, но в то же время я стеснялась этого беспокойства и старалась убедить себя, что просто пытаюсь защитить подругу, при этом опасаясь, что во мне говорит робкая натура провинциалки из хорошей семьи. Мне трудно было свыкнуться с тем, что есть женщины, которые любят других женщин, однако всякий раз, как подобные мысли возникали у меня в голове, я волновалась, что недостаточно современна и даже склонна к предрассудкам тети Паки. Я топила эти противоречивые чувства в глухом, но неотвязном раздражении, притаившемся глубоко внутри, а внешним поводом для него стало внезапное равнодушие Вевы к Невидимой библиотеке.

Клуб “Лицеум” переехал и девятого февраля торжественно открылся на новом месте. Викторина Дуран занималась оформлением интерьера на улице Сан-Маркос, и все мы участвовали в подготовке праздника и выставки современного искусства. Переезд неожиданно сблизил меня с Ильдегарт, нам вдвоем поручили разослать приглашения для гостей.

– Я рада, что твоя подруга нашла свое место, – сказала Ильдегарт.

– Нет, – я почему-то разволновалась, – она не такая.

– Ну как скажешь, – отмахнулась Ильдегарт, – но я тебя уверяю, никакие революционные изменения в положении женщины невозможны без сексуального освобождения и признания того, что женское удовольствие, как и мужское, может иметь разные формы.

Я так покраснела, что думала – сейчас у меня глаза лопнут. Ильдегарт была точь-в-точь фарфоровая кукла с невинным выражением круглого личика, и непринужденность, с которой она говорила разные ужасные вещи, не сочеталась с ее внешностью. Она рассмеялась, а меня захлестнул стыд.

– Не понимаю, что тебя так насмешило, – резко ответила я.

Я пыталась говорить невозмутимо, но конверты с приглашениями выскользнули из непослушных рук и рассыпались по полу.

– Смешно, когда люди не желают замечать того, что творится у них под носом, – ответила Ильдегарт, помогая мне собрать конверты.

От того, как она это сказала, сойдя на миг со своего пьедестала искусственного создания, мне тоже стало смешно. Впервые с момента нашего знакомства Ильдегарт не казалась мне такой уж жуткой.

Когда “Лицеум” переехал из Дома с семью трубами, я испытала облегчение от того, что не рискую больше встретиться с призраком лицом к лицу, хотя мне показалось, что после праздника я несколько ночей подряд видела его на крыше старого здания “Лицеума”, словно Елена хотела сказать мне что-то, но я не понимала что. Тревога не покидала меня, и карнавал в тот год я праздновала как в последний раз, словно Великий пост должен был продлиться не сорок дней, а сорок лет. Весной 1931 года Фелипе решил навестить меня в Мадриде, и тетя Пака места себе не находила от волнения, чего я совершенно не могла понять. Я подумала, что ее возбуждение, вылившееся в числе прочего в закупку гор съестных припасов, вызвано моим предполагаемым союзом с Фелипе, и, чувствуя себя зажатой в тиски между данным Веве обещанием не выходить замуж, с одной стороны, и гранатовым кольцом – с другой, сочла себя обязанной объясниться с тетей.

– Он мне не жених.

– А какая разница? Духи уже сказали мне, что ты за него не выйдешь. И в любом случае вы будете спать в разных комнатах.

– Тогда почему ты так волнуешься?

– Потому что Фернандо Вильялон сообщил мне, что однажды Фелипе спасет тебя от незаслуженного наказания, и нужно уметь быть благодарными, пусть и заране.

От удивления я на миг онемела. Вот как неожиданно дала о себе знать Невидимая библиотека после месяцев молчания.

– Ты знакома с Вильялоном? – вымолвила я наконец.

– А ты? Вот это сюрприз, деточка.

– Он дружит с маминой сестрой.

– Вильялон иногда заглядывал в Платоновское общество. Человек грубоватый, но любезный, очень сведущ в спиритизме и прорицательстве. Ты знаешь, что я не очень-то верю в гадания, но на земле нужны разные люди. Некогда он был сельским мистиком.

– И он открыл в своем гадании, от чего именно меня спасет Фелипе?

– Не знаю, не сказал. И он не гадал в прямом смысле слова, теперь он все видит.

– А можно его спросить?

Я не могла себе представить, как и при каких обстоятельствах Фелипе может меня от чего-то спасти, таким бездейственным я его помнила.

– Я могу попробовать в следующий раз, но сомневаюсь, что мы что-то выясним. Обычно он напускает на себя таинственность и говорит о быках.

– Можно пригласить его на ужин.

– Не уверена, что он придет, деточка, духи ведь не ужинают.

Я похолодела.

– Он умер?

– Еще в прошлом году, ты витаешь в облаках. Городской воздух не пошел ему на пользу, ведь он человек от земли, его жизнь – быки и оливы.

Фернандо Вильялон сказал тете Лолите, что его уже не будет, когда предсказания исполнятся, но она ни разу не упомянула о его смерти. Узнав новость от тети Паки, я почувствовала себя так же, как, наверное, чувствует себя олень, когда в него неожиданно вонзается пуля.

Я написала тете Лолите, умоляя ее приехать как только сможет, и на другой день мы с Вевой пошли на почту. Я не говорила ей ни про Фелипе, ни про его скорый приезд – может, стыдясь кольца на пальце, а может, из-за нашего обещания не выходить замуж. Или желая отомстить ей за сближение с женщинами, чьи взгляды я втайне порицала. Я вложила письмо в томик Хименеса “Гулкое безмолвье”⁴⁸, и, когда доставала, лежавшая там же открытка Фелипе со стихами Беккера выпала и приземлилась у ног Вевы. Протягивая ее мне, Вева спросила, кто такой Фелипе, а я отчаянно покраснела.

– Один мой друг, наверняка я о нем рассказывала, – смущенно пробормотала я.

– Не припоминаю. Шлет тебе стишки? – едко спросила она.

– Он мой жених.

Это слово вылетело у меня с той же легкостью, с какой молнии разят деревья. Думаю, я хотела задеть Веву, потому что втайне понимала, что эти слова ранят ее. Копившаяся во мне злость нашла момент и способ выражения.

Вева застыла с открыткой в руке, а когда я забрала ее, принялась искать мундштук и портсигар. Закурив, она сумела наконец произнести бесстрастным тоном:

– Ты никогда не говорила, что у тебя есть жених.

– Однако ж есть. – Я решила идти до конца.

– Я думала, ты не интересуешься мужчинами.

– Это правда, – ответила я машинально, но тут же уточнила: – Пока не окончу учебу, ничего такого.

⁴⁸ Сборник стихотворений Хуана Рамона Хименеса 1911 г. В качестве названия книги Хименес взял строчку из стихотворения испанского поэта и богослова XVI в. Иоанна Креста, которая здесь приводится в переводе Марии Игнатьевой.

– А как закончишь, станешь как все: подчинишься диктату мужа, будешь спрашивать разрешения, чтобы пойти работать, даже чтобы дышать, надо будет спросить разрешения. Тебя измучат дети и недосып... – Она помолчала и добавила: – И ты забудешь меня.

– Я никогда тебя не забуду.

– Это ты сейчас так говоришь. Я никогда не позволю ни одному мужчине приказывать, что мне делать.

– И я.

Мы помолчали, глядя друг на друга уже не так враждебно. Скорее с грустью.

– Тогда я не понимаю.

– Чего именно?

– Как так может быть, что у тебя есть жених, но ты обещаешь мне не выходить замуж. Говоришь, что никому не подчинишься, хотя это кольцо наверняка тебе подарил он.

Застигнутая врасплох, я спрятала руку с кольцом за спину.

– Я тоже не понимаю.

На обратном пути мы почти не разговаривали. На следующий день в обед приезжал Фелипе. Это было последнее, что я сказала Вева, дальше мы молчали до самого пансиона.

– Зайдешь? У Ангустиас наверняка есть горячий шоколад, – пригласила я.

– Нет, лучше пойду заниматься к себе.

– Вева, – меня тяготило возникшее между нами напряжение, – Фелипе в деревне был моим лучшим другом.

– Мне все равно.

– Я сердилась, потому что ты бросила поиски Невидимой библиотеки. Я видела, что ты отвлеклась на Викторину Дуран и остальных! – выпалила я и сразу почувствовала облегчение.

– Невидимая библиотека... – медленно повторила Вева.

– Да, – пролепетала я, испугавшись, что она обиделась.

– Я не хочу, чтобы ты думала, что я тебя предала.

– Я тоже не хочу, чтобы ты так думала обо мне.

Мы вяло, неловко обнялись, и Вева попрощалась с задумчивым выражением, которое не шло к ее лицу и которое я безуспешно пыталась истолковать до самого вечера.

Фелипе приехал из Саламанки на рейсовом автобусе с остановками в каждой деревне, путешествие длилось бесконечно. Я сама открыла ему дверь. За последние месяцы он окреп, словно специально ждал нашей разлуки, чтобы возмужать. Ему шли зачесанные назад волосы, и он вроде бы стал общительнее. Фелипе протянул мне коробку шоколадных конфет, которые я взяла со смущением, удивившим меня саму. Как так вышло, что Фелипе и правда превратился в моего жениха?

Ангустиас накрыла стол точно на праздник – вышитая скатерть, серебряные приборы с инициалами дяди Фортунато. Фелипе вежливо поблагодарил служанку, и от его улыбки, обращенной к ней, у меня внутри все так и скрутило – что-то тут было неправильно. Разве он и раньше так разговаривал? Теперь в манерах старого друга мне чудилась искусственность. Неужели никто больше ее не замечает? Все обходились с Фелипе ласково, считали его очень приятным.

– Ты хорошо себя чувствуешь, деточка? – услышала я вдруг тетин голос. – Что-то ты все молчишь.

– Это от волнения, – с трудом улыбнулась я, и Фелипе улыбнулся в ответ.

После обеда мы вдвоем пошли прогуляться в Ботанический сад, и меня немного отпустило, я даже подумала, что, может, все дело в том, что моя прежняя жизнь, олицетворением которой был Фелипе, совершенно не сочетается с моей новой жизнью в Мадриде.

– У твоих все хорошо, – сказал Фелипе, хотя я его не спрашивала. – Твоя мама элегантна, как всегда, а братья очень выросли. Младший говорит, что хочет стать военным, да только что он знает о войне.

– Хуан всегда был задирой. – Я немного расслабилась.

– Из второго, мне кажется, выйдет священник, но, может, это мои фантазии.

Мы переглянулись и вдруг рассмеялись.

– Если кто-то из моих братьев надумает податься в священники, отца удар хватит.

– Знаю, знаю, но, признаться, меня эта идея забавляет.

– А про него что расскажешь?

– Про кого?

– Про моего отца.

– Что он поссорился с моим из-за батраков. Мой отец говорит, что твой выставляет его с плохой стороны.

– С плохой стороны?

– Потому что хорошо обращается со своими работниками.

– Фелипе, твой отец морит батраков голодом. И чего он от них ждет? Разве у людей нет прав?

– Ты что, заделалась большевичкой? Или анархисткой? В деревне ты не интересовалась политикой.

Я не поняла, говорит он в шутку или всерьез, но меня аж передернуло от обиды. Я попыталась представить себе реакцию Ильдегарт.

– Никем я не заделалась. Я просто говорю, что они люди. Или это ты решил вдруг стать таким же, как твой отец, хотя всегда отвергал такое?

– Да что с тобой?

– Ничего, со мной ничего.

– Ты какая-то странная. Ты изменилась.

– Ты тоже.

– Я?

– Год назад ты подарил бы мне книгу, а не конфеты.

Фелипе открыл рот, намереваясь возразить, но промолчал, потому что так оно и было. Тот Фелипе, которого я знала, принес бы стихи или книгу по астрономии и зачитал бы мне фрагмент возле грядки с тыквами.

– Никогда бы не подумал, что ты заметишь. Мой отец прав, когда говорит, что от женщины ничего не скроешь.

– “Мой отец, мой отец!” Твой отец теперь всегда и во всем прав?

– Не во всем, но в этом он прав. Помнишь Аделу?

Как не помнить. С тех пор как Вева заронила мне в голову мысль, что я могла научить Аделу грамоте, я часто вспоминала ее. Она была старше нас лет на пять, не больше, но я представляла ее себе беременной от конюха.

– А что с ней такое? – раздраженно спросила я. – Ты наконец удосужился научить ее читать?

– Что? Нет! Почему ты так говоришь, будто это моя обязанность?

Он опустил глаза, и тут я поняла: это не он научил Аделу читать, а она его кое-чему научила. Я знала, что он скажет, прежде чем он произнес хоть слово. В то Рождество, когда я болела, он заметил, что Адела скучает по нашему чтению стихов в библиотеке, и решил вернуться к декламации, словно я рядом. Сначала оба притворялись, что ничего не происходит, но Адела стала все дольше и дольше задерживаться за уборкой, а он за чтением, иной раз до самой ночи.

Я не стала дальше слушать. Мне не нужны были подробности того, как Адела, чуявшая, что где-то есть другая, лучшая жизнь, но не знавшая, как туда попасть, отважно лишила Фелипе девственности. В пансион мы возвращались в молчании. Фелипе чувствовал себя виноватым и полагал, что должен дать мне какие-то объяснения. Я размышляла об открытке со стихотворением, и чем больше я думала, тем более унижительным мне казалось столь снисходительное послание. Он прощал меня, с пониманием относился к наличию у меня собственных идей, к моему отъезду, вызванному желанием посмотреть мир, но только потому, что и у него в жизни появилось что-то новое. Открытка не была проявлением дружеской щедрости. Я была слишком наивна, когда надеялась, что в день моего отъезда жизнь Фелипе застынет на месте. Он переменялся, как и я, эти перемены могли безнадежно развести нас.

Я не ревновала к Аделе, мне представлялось естественным, что она ему нравится. Но меня задело пренебрежение, которое послышалось в голосе Фелипе, когда я спросила, не научил ли он Аделу читать; почти таким же тоном его отец говорил о своих работниках, будто это мулы, тянущие мельничное колесо. Мула незачем учить грамоте. И Аделу тоже.

За ужином в тот вечер присутствовал и Карлос. Фелипе явно счел Карлоса простолюдином, потому что чрезвычайно удивился, узнав, что тот изучает медицину. Карлос, в свою очередь, наверняка решил, что Фелипе – один из тех чванливых барчуков, которых он так презирал, но ограничился замечанием, что в случае сердечного недуга Фелипе порадует, что он, Карлос, способен ему помочь. Фелипе искоса взглянул на меня, а у Карлоса на лице появилась довольная улыбка, которую не стерла даже милитаристская болтовня дона Габриэля и дона Херманико.

– А что вы думаете о Большой войне, кабальеро? – рокотал дон Херманико. – Надеюсь, вы, как и я, уверены, что она окончилась вничью.

– Херманико, Херманико, держи себя в руках, – пищал дон Габриэль. – Наш гость умен и наверняка согласен со мной, что Большая война не окончена и сейчас мы живем во время долгого перемирия между боями. Придется еще подождать, чтобы увидеть, кто победит во второй части схватки.

– И когда, Габриэль, она, по-твоему, произойдет?

– Друг мой, если бы ты слушал не только германских генералов, то знал бы, что сказал маршал Фердинанд Фош, когда был подписан Версальский договор 1919 года: “Это не мир. Это перемирие на двадцать лет”. С тех пор прошло, считай, десять лет, так что осталось еще десять.

– А я надеюсь, судя по вашим подсчетам, что вы оба ошибаетесь. Господи Иисусе, ну что за мужчины. – Тетя Пака перекрестилась.

Фелипе, избавленный от необходимости отвечать, с облегчением улыбнулся – значит, он по-прежнему был равнодушен к оружию и войнам. Остаток выходных мы провели, бродя по музею Прадо и по площадям Майор и Пуэрта-дель-Соль. Мы посмотрели скачки на ипподроме на проспекте Кастьяна, пообедали в ресторане “Ботин”⁴⁹, выпили по чашке шоколада в кафе “Сан-Хинес”. Но что-то изменилось. Я даже не упомянула ничего из того, что составляло мою новую жизнь. Если я не могла поделиться самым важным со своим лучшим другом, то, возможно, он больше не был лучшим другом. Из-за истории с Аделой в лице Фелипе словно проступили черты его отца, хотя я совсем не винила его. Уезжая из деревни, я тоже была богатой избалованной девочкой. Просто я менялась слишком быстро.

Перед отъездом Фелипе спросил, не думаю ли я вернуть кольцо, и я инстинктивно прикрыла одну руку другой, словно он хотел отрезать мне палец. Как бы то ни было, мне почему-то казалось важным сбросить остатки нашей связи. Я покачала головой, и он уехал в хорошем расположении духа. Вернувшись в комнату, я окончательно поняла, что мы перешли черту,

⁴⁹ Мадридский ресторан, основанный в 1725 г.

отделяющую друзей от нареченных, и что я перестала быть другом, отныне я – невеста. Мне и прежде казалось, что после обручения дружба охладевает и это вполне естественно. Поэтому я не вернула кольцо – пусть я не хочу выходить замуж, но мне придется это сделать, чтобы обрести социальное положение, а в таком случае лучше всего выйти замуж за друга. Если такова судьба, я принимаю ее. Фелипе не станет возражать против того, что у меня имеются свои идеи, пока я не буду возражать против его романов с горничными или кем-то еще. Меня устраивала такая цена. Меня устраивал такой обмен: дружба – на возможность быть собой.

И все же, закрыв дверь своей комнаты, я почувствовала, что, оставляя у себя кольцо, я что-то теряю – ту простоту, с которой мы в детстве принимали наш союз.

Тетя Лолита приехала в начале апреля, как раз к муниципальным выборам, которые король объявил в надежде укрепиться на троне. Мы всю ночь проговорили о Фелипе, о “Лицеуме”, о наших с Вевой приключениях, о Фернандо Вильялоне. Тетя Лолита сказала, что знала о его смерти, но не говорила, потому что иногда так трудно говорить о грустном. И когда она впервые рассказала мне о Невидимой библиотеке, то сделала это под воздействием сверхъестественной силы, ей нравилась мысль, что сам поэт захотел, чтобы ее любимая племянница оказалась причастна к его задумке. Тетя не знала женщин из “Лицеума”, только слышала о них, так что не могла мне сказать, было ли первое испытание шуткой и последует ли за ним второе. Наверное, она заметила мое разочарование, потому что добавила:

– Всему свое время.

Что касается Вевы, тетя не придавала значения охлаждению между нами и уверила, что любые отношения переживают подъемы и спады. Я снова попыталась скрыть свое разочарование, фыркнув:

– Стоило нам помириться, как она словно потеряла всякий интерес к Невидимой библиотеке.

– Не думаю, что дело в этом, но из всего можно извлечь урок, – назидательно заметила тетя.

Мы засиделись почти до рассвета. Под конец тетя, рассеянно крутя на пальце кольцо, которое никогда не снимала, завела речь о том, что никак не может зачать.

– Всему свое время, – сказала я.

Республиканские партии, одержавшие верх в столицах провинций, на муниципальных выборах в Мадриде не победили, но и не проиграли, потому что все подозревали махинации в тех округах, где возобладали монархисты. Люди заполнили мадридские площади; интеллектуалы, завсегда на тертулий на улице Алькала⁵⁰, откупоривали бутылки и пили с бездомными мальчишками и зеленщицами.

– Твоя тетя Лолита выбрала самый удачный момент, чтобы приехать, – ворчала тетя Пака.

Тетя Лолита удалилась в свою комнату, чтобы привести себя в порядок и тоже отправиться на улицу. Дон Фермин громогласно убеждал всех, что грядут лучшие времена. Ангустиас и Карлос, чокаясь стаканами, пили анисовую водку. Все были охвачены возбуждением или беспокойством, и на меня никто не обращал внимания. Тут бы мне и позвонить Веве, но я этого не сделала. С тех пор как Вева узнала о существовании Фелипе, ее лицо стало иногда как-то странно морщиться. Мы больше не заводили разговоров о Фелипе или Невидимой библиотеке, но понимали, что эти темы вовсе не забыты, а просто ждут своего часа. Возможно, мы страшились их.

⁵⁰ Тертулия – собрание интеллектуалов, обсуждающих разнообразные темы. Алькала – оживленная центральная улица в Мадриде.

Из-за своей трусости я даже не смогла собраться с мыслями, когда Ангустиас присоединилась к тете Лолите и Карлосу, собиравшимся выходить. Они чуть не забыли меня. Я выскочила на лестницу и бросилась догонять их.

- Думаешь, Хосе Луис будет перед дворцом? – спросила Ангустиас у Карлоса.
- Хосе Луис и все остальные. Наверняка они разграбили погреба своих родителей.
- Хоть не оружейные склады.
- Сегодня – только погреба.

Удивившись, что служанка знакома с друзьями Карлоса, я подхватила под руку тетю Лолиту, которая была так возбуждена, что едва заметила мое появление рядом. Она рассеянно улыбнулась мне. Я слышала, как учащается у нее дыхание по мере нашего приближения к площади Орьенте.

Люди призывали Альфонса XIII уйти, распевали комические куплеты про Бурбонов. Иногда кто-нибудь путал Бурбонов с Габсбургами⁵¹, но это никого не волновало, люди пили, ели, плясали, время от времени прерываясь на то, чтобы попытаться сбросить с пьедесталов стоящие на площади статуи королей. Все это напоминало вербену, уличные гуляния, в воздухе витали возбуждение и надежда. Даже я подпевала куплетам, прикладывалась к бутылкам, которые протягивали мне незнакомцы, и кричала, требуя у Бурбонов оставить Испанию в покое, хотя прежде мне и в голову не приходило, что они кому-то мешают.

Эти гуляния длились несколько часов, но дворец никак не реагировал на происходящее. Казалось, что укрывшиеся внутри не решаются помешать народному веселью. И тут разлетелась весть, что король принял решение покинуть страну, поскольку не желает, чтобы в Испании разразилась гражданская война. Карлос и Ангустиас присоединились к группе восторженно вопящих и скачущих парней. Тетя так стиснула меня в объятиях, что ее жемчужное кольцо впилось мне в шею. Она плакала от радости, и ее слезы капали мне на волосы.

– Теперь все будет хорошо, милая. Наши идеалы победили. Невидимая библиотека победила.

Обнимая тетю и чувствуя ее родной запах, я спрашивала себя, что она имеет в виду. Не могла же она говорить про Невидимую библиотеку так буквально. Тетя всегда была сторонницей фигурального.

⁵¹ Королевские династии, правившие в Испании: Габсбурги – с первой четверти XVI в. по 1700 г., Бурбоны – с 1700 г. до наших дней (с перерывами).

Глава 5

Столбы дыма

Апрель 1931 года

Король бежал, и шум его бегства был заглушен ревом толпы. Радость походила на ярость.

Это были счастливые недели, когда даже разговоры революционно настроенных участниц “Лицеума” о правах, которые Вторая республика даст женщинам, не могли напугать дам, настроенных более консервативно и в другое время пришедших бы в ужас от самой возможности разводов или свободы в вопросах веры.

Мы с Вевой забыли и о размолвке, и о занятиях в университете. Вева пребывала в радостном возбуждении от того, что сестра сможет наконец отделаться от мужа, а я заразилась ее воодушевлением. Невидимая библиотека и наше с Вевой отчуждение растворились в царящей искренней радости, мы снова были едины. На другой день после бегства короля мы встретились совсем как в прежние времена, а вскоре к нашим прогулкам присоединилась Ильдегарт. Я прониклась симпатией к этой девушке, а Вева не возражала против ее присутствия, как я раньше не возражала против присутствия Эстрельита. Которая, кстати, исполнила свою угрозу стать сочинительницей революционных куплетов – по ее словам, мужчин теперь возбуждают не пикантные песенки, а политика, и, наверное, была права. В мае 1931 года о себе заявил кружок монархистов, ответом на его активность стали массовая демонстрация и разгром редакции монархистской газеты “ABC”. Эстрельита принимала во всем активное участие.

– Ужас как он есть, – взволнованно рассказывала она потом. – И не потому что дело могло дойти до смертоубийства, а потому что это казалось нормальным, там хотелось все ломать и крушить. Я ведь такого за собой никогда не знала, а тут... даже не понимаю, что на меня нашло. Если бы стали призывать повесить главного редактора, я бы первая бросилась.

Гражданская гвардия открыла огонь по протестующим – как во времена Беренгера или Примо де Риверы. Мир превратился в хаос, в мешанину из ярости и мельтешения конских копыт. Манифестанты бросились врассыпную, точно перепуганные куры. Эстрельита спряталась в каком-то подъезде. Смертельный ужас пришел на смену возбуждению. Все в ней будто заледенело – она не слышала криков, не ощущала пороховой вони, красная кровь слилась с серой булыжной мостовой.

Какой-то потерявшийся малыш застыл посреди этого хаоса – с залитым слезами лицом и разинутым в крике ртом. Эстрельита ничего не слышала, но решила, что бедняжка зовет мать, как все дети и даже взрослые, когда им страшно. Она хотела броситься к нему, схватить, втащить в подъезд, но не могла шевельнуться, просто смотрела, как ребенок падает, сраженный пулей, – медленно, словно опрокинутый стул. От ужаса Эстрельита пришла в себя, на нее хлынули краски, вопли, железистый запах крови, она снова могла шевелиться, управлять своим телом. Она уже почти кинулась к малышу, чтобы хотя бы закрыть ему глаза, но чья-то рука ее удержала.

– Все может измениться за один день, – проговорила она сдавленно.

Мы молчали. Невозможно было шутить после произошедшего следующей ночью, когда громили католические книжные магазины, разоряли оружейные склады, поджигали киоски газет “ABC” и “Дебаты”, на площади Соль кого-то линчевали. Эстрельита вместе с другими незнакомцами, прятавшимися в подъезде во время уличной перестрелки, провела ту ночь дома у человека, что не позволил ей выйти под пули. Мадрид был в огне, а телефон в пансионе “Кольменарес” трезвонил не переставая.

Тетя Пака наглухо затворила двери и даже повздорила с консьержем, который вздумал перечить, вместо того чтобы выполнять свой долг. Она придвинула к двери стул и уселась на него. Когда звонил телефон, первые три раза тетя даже не сняла трубку. На четвертый раз до меня донесся грозный тетушкин голос:

– Скажи своей подруге, что сегодня ты никуда не пойдешь.

Я не сомневалась, что это Вева, наверняка взбудораженная из-за уличных беспорядков. Тонкий голосок на другом конце провода застал меня врасплох.

– Тина, это Ильдегарт. Ты должна мне помочь. Библиотеки в опасности, нужно спасать, я одна не справлюсь.

Я покосилась на тетю, которая от дверей наблюдала за мной, будто подкарауливающий жертву хищник, и повернулась к ней спиной.

– Я не понимаю, о чем ты. – Голос мой дрогнул от волнения.

Я и правда не понимала, но догадывалась, и словно облако заволокло мне легкие и поднялось в голову, пробрав до мурашек.

– Прекрасно ты все понимаешь, Тина. Я знаю, как вы с Вевой пытались попасть в Невидимую библиотеку.

Услышав подтверждение своих догадок, я чуть не вскрикнула.

Ильдегарт продолжала:

– С момента основания “Лицеума” мы привозим из-за границы книги и переводим на испанский – книги о политике и о правах женщин, которые при монархии правительство не приветствовало. Поначалу мы никак не назывались и даже не думали о названии. Это Лунный Луч, который много о себе воображал и обожал легенды о некогда существовавшей Невидимой библиотеке с ее тайными складами запрещенных книг и рассказами о тех, кто поплатился жизнью за нарушение закона о печати, придумал весь этот маскарад с Невидимой библиотекой, но вообще-то мы не делали ничего особенного. – Ильдегарт говорила торопливо, быть может полагая, что не убедит меня, если не расскажет всего. – В какой-то момент мы хотели попросить вас помочь нам с переводами, но из-за хлопот с переездом забыли. Потом выборы, бегство короля, и, если честно, мы решили, что теперь наша работа будет уже не так нужна. А сегодня вот что происходит – жгут религиозные учреждения, не думая о том, что там внутри ценнейшие книги, истинные сокровища, которые можно потерять навсегда. Резиденция ордена иезуитов прямо сейчас полыхает, а у них одна из лучших библиотек в Испании. Я осталась дома обзванивать тех, кто может помочь, и вспомнила о тебе. Тина, ты должна попытаться спасти хоть что-то.

Я хотела ответить, что я заперта, что тетя скорее утопит меня в ванне, чем позволит выйти на улицу, где, по ее представлениям, разверзлись врата ада, но промолчала. Я уже согласилась. Не помню, что именно я сказала, что-то банальное, но эта банальность означала согласие. Ильдегарт коротко попрощалась и повесила трубку.

Первоначальное возбуждение уступило место неожиданной ясности сознания, мозг мой отстраненно анализировал ситуацию: стул у двери, сидящая на нем тетя Пака, горящие книги, стычки на улицах. Я не могла позвонить Вева, поскольку тетя была уверена, что я только что с ней разговаривала. Мне предстояло отправиться навстречу приключениям одной. Удивительно, но мною владел не страх, а злость – я злилась, что не знаю, как улизнуть из пансиона. Я продолжала ломать голову над этой проблемой и даже не заметила появившегося в комнате Карлоса.

– Сеньора, врачебный долг велит мне быть там, – уговаривал Карлос тетю. Он был чисто выбрит, с докторским чемоданчиком в руке, от него так и веяло профессионализмом.

– Не говори глупости, ты еще не врач, – возразила тетя, скреживая руки на груди.

– Я врач-стажер. Собственную практику я иметь пока не могу, но в силах оказать первую помощь и спасти жизнь, и это мой долг.

Он вытянулся во фрунт, словно тетя – офицер, а сам он рядовой, готовый к смотру, и, похоже, это-то и покорило тетю, потому что она вдруг разрешила ему уйти, но велела быть осторожным. На обычно непроницаемом лице Карлоса мелькнула торжествующая улыбка. Я хотела задержать его, но меня опередила Ангустиас. Пока тетя открывала дверь, она выскочила из кухни и схватила его за руку.

– Узнай, что там с Хосе Луисом, – попросила она, и я снова удивилась, услышав это имя из ее уст.

Карлос кивнул. Проследив, как он спускается по лестнице, тетя принялась ворчать: что за крест выпал ей в лице этого неразумного юноши! А затем грозно уставилась на меня:

– Даже не пытайся выйти за порог. Если с тобой что-то случится, я сначала умру от горя, а потом твой отец меня убьет. А на этого неразумного внимания не обращай, ты не такая.

Тетя принялась вспоминать, как за год до того Карлос вернулся с занятий весь в крови.

– Бедную Ангустиас чуть кондрашка не хватил, когда она его увидела, он словно с бойни заявился. А чтобы ее успокоить, заявил, что кровь не его, будто от этого кому-то легче.

Тогда произошла потасовка между студентами-республиканцами и студентами-монархистами, перешедшая в настоящее побоище, которое гражданская гвардия разогнала выстрелами. Карлос пытался отнести одного из раненых в университетскую больницу, но тот умер у него на руках.

У погибшего был при себе пистолет, как и у многих других участников стычки. Тетя заставила Карлоса поклясться самым дорогим – если такое, конечно, имеется у атеиста, – что он никогда не будет держать при себе оружие, и Карлос пообещал, хотя тетя до конца не поверила, она не слишком полагалась на мужские клятвы, ведь мужчин власть манит как сахар – мух.

– А знаешь, что бывает с человеком, у которого при себе пистолет? – спросила тетя, подбоченившись. – То, что гвардейцы его попросту пристрелят!

Я ушла к себе в комнату, перед глазами у меня стояли двери университетской клиники “Сан-Карлос”, испачканные кровью; растоптанные сапогами картонные скелеты, что продавались вблизи факультета; разорванные учебники анатомии, страницы которых яростно трепал ветер. Образ Карлоса в крови привел меня в такое смятение, что я прекратила думать о побеге. Но этот же образ помешал мне заснуть.

Незадолго до рассвета я услышала, как тетя нетвердо прошаркала наконец в свою комнату. Я быстро оделась и выскочила за дверь, даже не завязав шнурки. Висящий в холодном воздухе запах гари обжег ноздри. Впервые в жизни я чувствовала себя полезной.

На углу улиц Исабель и Флор еще стояли столбы дыма от сгоревшей резиденции иезуитов. Какие-то люди мародерствовали на пожарище, ломали мебель и швыряли в огонь, вопя, что католицизму в Испании настал конец. С ужасом разглядела я обгоревшие книги. Жители окрестных домов подзадоривали мародеров, а у меня внутри все так и тряслось. Дрожали руки и губы, судорожно колотилось сердце. В раздававшихся криках звучала ненависть – застарелая ненависть, наследовавшаяся от поколения к поколению, это она мостила себе дорогу из разбитых окон, бульжников и пепла. Я огляделась в надежде, что вот-вот появятся хоть какие-то представители закона и порядка, но нет, ничего подобного. Здание иезуитов давно уже мешало планам по расширению проспекта Гран-Виа, и, возможно, кто-то решил, что лучше дать ему сгореть. Все вокруг меня были явно на стороне варваров.

Взгляд мой снова устремился на тлеющие старинные книги. Когда я вновь осознала себя, то обнаружила, что стою на пепелище и пытаюсь отыскать более-менее уцелевшие экземпляры. К счастью, книги в кожаных переплетах горят плохо, я нашла два почти нетронутых тома, быстро сунула под плащ и прижала к себе, словно величайшее в мире сокровище. Я даже не посмотрела на названия – главное, что удалось спасти их.

Спрятав книги, я немного пришла в себя, и меня снова охватил ужас. Что со мной сделают эти вандалы, если заметят, что я пытаюсь что-то найти среди дымящихся останков? От страха я словно оглохла, мир затих, но неожиданно совсем рядом раздался голос, резкий, точно лезвие ножа:

– Что ты здесь делаешь, да еще одна? В такой час барышне не пристало ходить без сопровождения.

До самой смерти мне не забыть этого голоса. У меня в буквальном смысле волосы встали дыбом. Наслаждаясь свободой, которую тетя предоставляла мне скорее из безразличия, чем почему-либо еще, я часто забывала, что мало кто из моих ровесниц гуляет без присмотра. В университете только мы с Вевой приходили и уходили сами по себе, остальных девушек поджидал у ворот шофер или кто-то из прислуги. Впервые за долгое время я ощутила свою беззащитность, мной овладело предчувствие чего-то ужасного.

Я обернулась, чтобы посмотреть на незнакомца, и увидела высокого, хорошо одетого мужчину с улыбкой хищной и соблазнительной – того самого, с улицы Мойяно, со стеклянным глазом, кого Вева назвала зловещим. Я обмерла. От агрессии можно было попытаться сбежать, но этот кабальеро олицетворял собой порядок. В ночь, когда Мадрид полыхал, я была словно одинокая овечка в лесу, полном волков, и прямо передо мной стоял вожак стаи, явно считавший себя в полном праве сожрать меня за легкомыслие.

– Я... я уже ухожу, – пробормотала я.

По спине у меня стекал холодный пот. Сколько же раз такая сцена встречалась мне в сказках! Только теперь глупой девочкой, которая отправилась куда не надо, глупой принцессой, что не слушала советов, смотрела куда не следует или открыла запретную дверь, была я. Никогда я не понимала, что заставляет героиню упорно приближать катастрофу, и вот сама оказалась на их месте, один на один с человеком, со всей очевидностью способным на что угодно.

– Не покажешь, что ты там прячешь? – Он протянул руку, и я не могла не обратить внимания на поразительно длинные пальцы.

– Ничего я не прячу, – ответила я с такой внезапной решительностью, что он отступил.

Никогда не знаешь, как человек поведет себя в минуту опасности. Если бы незнакомец сказал что-то другое, я бы убежала или упала в обморок, но он захотел увидеть книги. И это привело меня в чувство. Я не собиралась отдавать спасенные из огня сокровища. Чутье подсказывало, что намерения у незнакомца недобрые, что передо мной безжалостный зверь. Тете сказали, что нельзя доверять человеку со стеклянным глазом, и вот он стоит передо мной, и на лице его хищная улыбка соблазнителя из сказки.

По его напряженной позе мне чудилось, что он вот-вот набросится на меня, страх снова сковал все мое тело. В это бесконечное мгновение я вцепилась в книги как в свою последнюю защиту. “Ему придется вырвать их у меня”, – подумала я и представила свои пальцы, впившиеся в два тома. И тут раздался какой-то грохот, краем глаза я увидела, что по мостовой громыкает тачка, двигаясь в нашу сторону, и незнакомец вмиг переменялся. Облик его сделался каким-то безобидным, он почти рассмеялся:

– Ну что ж, забирай что приглянулось. Но мы еще увидимся. – От его гипнотической улыбки я чуть не растаяла. – А покамест – приятно было познакомиться, сеньорита... как бы вас ни звали. Всё при вас.

На этот раз он обратился на “вы” и даже слегка поклонился, чем окончательно сбил меня с толку. После чего развернулся, легко и изящно, точно танцовщик, и двинулся к оборванцу, катившему полную тачку книг. Я быстро устремилась прочь, в сторону площади Кальяо, но, оглянувшись, заметила, как он достал пачку банкнот. Я быстро отвернулась и, чувствуя затылком взгляд его странных глаз, ускорила шаг.

Мадрид пропах дымом, посерел от пепла, со всех сторон неслись песни, призывающие к беспощадности. Жуткая встреча помогла мне осознать, что одинокая женщина среди руин неизбежно привлечет к себе внимание. Мне хотелось зажмуриться и бежать, бежать, пока солнце не изгонит последние всплески ночной ярости. Я пыталась преодолеть страх, но тщетно. Я прошла не больше пары десятков метров, как меня снова окликнули. Я съежилась, решив, что этот человек все-таки последовал за мной, и едва не рванула со всех ног. Однако голос звучал мягко, чуть хриловато, напоминая шорох ветра:

- Я впечатлен вашим поступком, сеньорита...
- ...Вальехо де Мена, – ответила я машинально.
- Вы интересная особа, сеньорита Вальехо.

Человек, прислонившийся к черному “бьюику”, был воплощением прямых линий: идеальные стрелки на брюках, двубортный пиджак в узкую полоску, симметричные вертикальные морщины на лице. Большие глаза, обрамленные длинными светлыми ресницами, придавали лицу то ли детское, то ли старческое выражение. В памяти всплыли слова тети Лолиты про туманные глаза. Меня поразили цвет его радужки – серый, отливавший то голубым, то зеленым, в самом деле туманный.

– Что вас так впечатлило, сеньор... – запнулась я, хотя уже знала, каково будет продолжение.

– Зовите меня Лунный Луч. Знаю, имя странное, но имена, как и названия книг, не выбирают. Скорее, они выбирают нас.

– Лунный Луч? – повторила я.

– Как у Альваро Ретаны, разумеется. Как я и говорил, вы меня поразили: девушка, если судить по одежде, из хорошей семьи, отважилась выйти ночью в город, чтобы спасти нечто из огня.

Я посмотрела на свои ноги – чулки порваны, край юбки в саже, ботинки не разглядеть под слоем пепла и грязи. Но меня это не заботило.

– Есть вещи поважнее чистой одежды, – ответила я.

– А еще вы сумели противостоять Графу-Герцогу. Так именует себя кабальеро, напугавший вас.

– Вы все видели и не вмешались?

– Не стоит из-за него волноваться, – сказал человек с туманными глазами. – Он доживает свой век. И вреда бы вам не причинил. Он хотел узнать, что за книги вы спрятали под плащом, и отказался от этого намерения, как только его подручный доставил то, за чем он сюда и пришел, хотя, вполне возможно, его ждет разочарование. – Туманные глаза насмешливо блеснули. – Он безобиден, но верить ему нельзя, он преследует только собственные цели. И обычно добивается своего, мало кто противится его обаянию. Но вам это удалось, и это поразительно. Вы позволите мне взглянуть, что удалось вытащить из-под обломков?

Я посмотрела на его честное, улыбающееся лицо, перевела взгляд на автомобиль: на заднем сиденье лежало несколько томов в кожаных переплетах, на вид старинных. Я вдруг догадалась, что именно эти книги интересовали Графа-Герцога, что за ними он охотился на пожарище. И пусть я опоздала, но Лунный Луч – нет.

– А что он делает с книгами? – спросила я.

– Продает. Пользуется чужим несчастьем и продает книги иностранным коллекционерам. И он всегда первым узнаёт, где можно разжиться. Но сегодня Невидимой библиотеке повезло.

– Невидимой библиотеке? – Я порывисто подалась вперед, плащ распахнулся, открыв две спрятанные книги.

– Отныне вас зовут Метафизика, – улыбнулся Лунный Луч, – по книге Аристотеля.

Ильдегарт попросила меня спасти хоть что-нибудь, но она не уточнила, что делать со спасенным. Если бы мне не явился создатель Невидимой библиотеки, я не знала бы, что делать с книгами. Но теперь вопрос решился, я протянула ему оба тома:

– Вот.

– Вы мудрый человек, сеньорита Метафизика, хотя сами того не сознаете пока.

Лунный Луч поднес руку к шляпе и сел в “бьюик”. По дороге домой я думала обо всем том, что не сказала ему и что теперь меня мучило. Но я не сомневалась, что книги в безопасности, и оттого чувствовала себя неуязвимой. На обратном пути мне ни секунды не было страшно.

Представители закона и порядка так и не появились. Пассивность правительства, не желавшего принимать никаких решений, привела к тому, что в то же утро запылали новые церкви и религиозные учреждения. Потом огонь перекинулся на другие города, пожирая на своем пути скульптуры, древнейшие холсты, целые библиотеки... Пытавшихся спасти что-нибудь из огня обвиняли в воровстве: было запрещено красть то, что подлежало уничтожению. Как и сказала Ильдегарт, библиотека иезуитов считалась одной из лучших в стране, и в пожаре погибли уникальные инкунабулы⁵². Безымянная толпа на несколько дней захватила Испанию. А потом – как будто ничего не было. Или так казалось, по крайней мере.

В то утро я долго бродила по улицам и вернулась в пансион поздно. Войдя, я подумала, что тетя Пака надает мне пощечин. Но после секундного замешательства она стиснула меня в объятиях:

– Мы так волновались. Карлос принес ужасные вести, ужасные! Монахов и монахинь выбрасывают из монастырей и жгут церкви. Ад разверзся в Мадриде! – Тетя перекрестилась. – А мы не знали, где ты! Что с тобой случилось, милая? Ты ранена!

– Нет-нет, со мной все хорошо.

⁵² Инкунабулы – книги, напечатанные в Европе с момента изобретения книгопечатания до 1500 г. включительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.